

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

В. А. ВИНОГРАДОВ

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

ЗНАНИЕ-М
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва
2022

УДК 343.140.02
ББК 67.410.104
В49

Автор:

В. А. Виноградов – старший преподаватель кафедры уголовного процесса
юридического факультета РГПУ им. А. И. Герцена.

Рецензенты:

Ю. П. Боруленков – кандидат юридических наук,
полковник юстиции в отставке;

Л. А. Пупышева – кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России

Виноградов, Владимир Александрович.

В49 Распределение бремени доказывания в суде первой инстанции
в российском уголовном процессе : научно-практическое пособие /
В. А. Виноградов. – Москва : Знание-М, 2022. – 120 с.

ISBN 978-5-00187-222-1

Подготовлено с учетом необходимости дальнейшего утверждения конституционных принципов состязательности и презумпции невиновности в качестве базовых регуляторов уголовного процесса в целом и распределения бремени доказывания между его участниками в частности. Работа опирается на теоретическое наследие классика отечественного уголовного судопроизводства И. Я. Фойницкого, а также на широкий анализ актуальной судебно-следственной практики.

Может быть полезно как правоведам-теоретикам, так и юристам-практикам, а также всем, кто интересуется проблематикой доказывания при отправлении правосудия.

УДК 343.140.02

ББК 67.410.104

ISBN 978-5-00187-222-1

© Виноградов В. А., 2022
© Знание-М, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические основы распределения бремени доказывания в отечественном уголовном процессе.....	6
§1. Правовые и методологические основы распределения бремени доказывания в современном российском уголовном процессе	6
§2. Субъекты бремени доказывания в отечественном уголовном судопроизводстве	27
Глава 2. Практические проблемы распределения бремени доказывания в суде первой инстанции.....	50
§1. Распределение бремени доказывания в суде первой инстанции в рамках судебного контроля при проведении предварительного расследования	50
§2. Распределение бремени доказывания виновности (невиновности) подсудимого и обстоятельств, влияющих на уголовную ответственность	74
§3. Распределение бремени доказывания при осуществлении реабилитации.....	90
Заключение.....	99
Список источников.....	104

ВВЕДЕНИЕ

Правовой институт уголовно-процессуального доказывания представляет собой главнейший структурный элемент отечественного уголовного процесса, являясь, по точному выражению М. С. Строговича, его «сердцевиной». Распределение бремени доказывания между участниками уголовного судопроизводства на стадии отправления правосудия по уголовным делам играет особую роль ввиду перехода российского судебного следствия к состязательности и наиболее полной, за всю историю развития отечественного уголовного судопроизводства, реализации презумпции невиновности.

Соответствующая целям уголовного судопроизводства доказательственная деятельность его участников и постановление законного, обоснованного и справедливого приговора или иного решения в уголовном процессе невозможны без правильного понимания научными работниками и практикующими юристами сущности категории бремени доказывания и правил его надлежащего распределения.

Основная активность субъектов уголовного судопроизводства направлена на доказывание как главных фактов, предусмотренных ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее по тексту — «УПК»), так и других — промежуточных (локальных) юридических фактов. Однако, несмотря на значительное количество учебной и научной литературы, практических и методических рекомендаций по вопросам доказывания, в настоящее время, в российской уголовно-процессуальной науке нет общепринятого определения бремени доказывания, отсутствуют специальные исследования этой правовой категории, а вопрос о распределении бремени доказывания между участниками уголовного судопроизводства, при установлении тех или иных юридически значимых обстоятельств, решается неоднозначно.

При этом особый исследовательский интерес представляет собой распределение бремени доказывания обстоятельств, не связанных с установлением виновно-

сти (невиновности) лица в совершении преступления (общественно опасного деяния) ввиду меньшей разработанности данной проблематики в отечественной науке.

Вопросы распределения бремени доказывания между участниками уголовного процесса, правовой сущности и содержания данной категории находили свое отражение в трудах представителей отечественной доктрины уголовного процесса начиная с середины XIX в. На дореволюционном этапе значительный вклад в развитие учения о бремени доказывания внесли такие ученые как Л. Е. Владимиров, С. И. Викторский, С. В. Познышев, Н. Н. Розин, В. С. Случевский, Р. С. Фельдштейн, И. Я. Фойницкий.

Активно исследовались указанные проблемы и в советский период. Значительный вклад в их разработку внесли Р. С. Белкин, А. Я. Вышинский, П. А. Лупинская, Л. И. Петрухин, Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, Ф. Н. Фаткуллин, М. А. Чельцов и другие авторы.

На современном этапе развития уголовно-процессуальной науки вопросы практического распределения бремени доказывания между участниками уголовного судопроизводства рассматривались в работах А. С. Барабаша, Л. А. Воскобитовой, В. А. Лазаревой, И. Б. Михайловской, А. В. Победкина, А. В. Смирнова, С. А. Шейфера. Бремя доказывания как научно-теоретическая категория уголовно-процессуальной науки выступала одним из элементов в исследованиях А. А. Васяева, М. А. Дрягина, В. А. Морквина, К. Б. Калиновского, А. В. Кудрявцева, В. А. Морквина, В. Л. Сыскова.

Исследование основано на базе научной теории разделения уголовно-процессуальных функций уголовного преследования, защиты и разрешения уголовного дела и подходе к бремени доказывания как к родовой категории, включающей в себя как юридическую обязанность, так и объективную необходимость осуществления доказывания, а также на толковании последствий недоказанности юридически значимого обстоятельства против того участника уголовного процесса, на котором лежит объективная необходимость доказывания.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

§1. Правовые и методологические основы распределения бремени доказывания в современном российском уголовном процессе

Анализ бремени доказывания в отечественном уголовном процессе, в качестве правового института, должен осуществляться комплексно и не может проводиться без обращения сразу к нескольким теоретическим и практическим проблемам его существования и функционирования. Таковыми, главным образом, являются следующие: 1) понятие и содержание бремени доказывания 2) структурный состав и сущность элементов его теоретической основы 3) форма и глубина реализации бремени доказывания 4) субъекты несения бремени доказывания. Проведение такого исследования, в настоящей работе, осуществляется, прежде всего, сквозь призму следующих процессуальных принципов, определяющих не только режим распределения бремени доказывания, но и основной объем уголовно-процессуальной деятельности участников доказывания в целом: состязательности (прежде всего в контексте обладания участниками уголовного процесса самостоятельными процессуальными функциями и интересами), публичности уголовного судопроизводства, а также презумпции невиновности.

Прежде чем переходить к анализу понятия и содержания категории «бремя доказывания» необходимо определиться с операционным значением базового, для настоящей работы термина «доказывание». Согласно ст. 85 УПК оно состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73. Таким образом, на первый взгляд, за пределы процесса доказывания выводятся остальные обстоятельства, установление кото-

рых необходимо для принятия судом первой инстанции целого ряда, главным образом, промежуточных процессуальных решений. Между тем, обращение к тексту УПК позволяет сделать вывод о том, что процесс доказывания осуществляется и при установлении обстоятельств, не предусмотренных ст. 73. Так, например, комплексное обращение к ст. 89 УПК и ч. 1 ст. 108 УПК позволяет заключить, что судья делает вывод о наличии фактических обстоятельств, свидетельствующих о необходимости заключения лица под стражу по результатам процесса доказывания. На это указывает, в том числе, запрет на использование в ходе данного производства результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым УПК к доказательствам.

Согласно п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК продление срока задержания допускается при условии признания судом задержания законным и обоснованным на срок не более 72 часов с момента вынесения судебного решения по ходатайству одной из сторон — для представления ею дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Совершенно очевидно, что представление доказательств суду невозможно без их предварительного собирания, а принятию судом решения о заключении обвиняемого (подозреваемого) под стражу предшествует оценка всех доказательств сторон.

Представляется, что данный алгоритм действует и в других случаях, когда суду необходимо вынести любое другое обоснованное решение. Таковое может обладать данным критерием¹ лишь в случае надлежащей оценки собранных участниками уголовного процесса сведений. В свою очередь, согласно ч. 1 ст. 74 УПК доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК,

¹ Автором, в целом, разделяется научная позиция, в соответствии с которой оценка доказательств может также именоваться «доказыванием-обоснованием» см. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе М. 2009. С. 35

устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также *иных обстоятельств*, имеющих значение для уголовного дела.

Таким образом, говорить о том, что при принятии промежуточных процессуальных решений процесс доказывания отсутствует, можно лишь приняв тезис о том, что деятельность, в которой используются доказательства, не охватывается понятием доказывания. Однако это представляется неверным. Ввиду этого, повышению системности норм УПК способствовала бы корректировка ст. 85 с указанием на то, что посредством доказывания устанавливаются и иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

В доктрине рядом авторов категория «бремя доказывания» отождествляется с категорией «обязанность доказывания». Так, согласно В. А. Морквину: «Бремя доказывания можно определить как предусмотренную уголовно-процессуальным законодательством обязанность доказывания определенного тезиса, неисполнение которой влечет применение процессуальных санкций».² Как синонимы, данные понятия рассматривает и М. А. Дрягин.³ Другие авторы считают, что бремя доказывания и обязанность доказывания, с правовой точки зрения, далеко не одно и то же. Согласно определению, данному в монографии А. В. Кудрявцевой и Ю. И. Великосельского, бремя доказывания в уголовном процессе — это правовое явление, означающее объективную необходимость, обусловленную преследуемыми участниками интересами, обосновывать доводы, приводимые при положительных утверждениях и представлять доказательства для их подтверждения.⁴

² Морквин В. А. Правовые презумпции в уголовном судопроизводстве России: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Морквин В. А. — Тюмень, 2008. — С. 102.

³ Дрягин М. А. Презумпция невиновности в российском уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук.: 12.00.09 / Дрягин М. А. — Иркутск, 2004. — С. 135.

⁴ Кудрявцева А. В. Великосельский Ю. И. Функция защиты на стадии предварительного расследования Челябинск, 2006. С. 125.

Представляется, что следует согласиться с позицией классика российского уголовного процесса И. Я. Фойницкого, который считал, что бремя доказывания — это более широкая правовая категория, которая включает в себя как юридическую (формальную), так и фактическую (материальную) обязанность доказывания.⁵

По мнению автора, понимание бремени доказывания в отечественном уголовном процессе как сложной правовой категории представляется актуальным и поныне. Таким образом, бремя доказывания в настоящей работе, в дальнейшем, будет пониматься как родовое понятие, объединяющее в себе две более узких категории: юридическую обязанность доказывания и фактическую (объективную) необходимость доказывания.

Е. М. Хохлова дает следующее определение юридической обязанности: «Юридическая обязанность — это установленная законом точная мера общественно необходимого, наиболее разумного и целесообразного поведения, направленного на удовлетворение интересов общества и личности».⁶ По ее мнению признаками юридической обязанности являются: 1) наличие государственной необходимости (долженствования); 2) преследование цели удовлетворения интересов управомоченного лица; 3) существование в рамках определенного правоотношения — общего или конкретного; 4) наличие границ, очерченных законом (нормой права); 5) невозможность функционирования вне связи с субъективным правом; 6) наличие возможности государственного принуждения. Согласно Н. И. Матузову структуру юридической обязанности составляют: 1) необходимость для субъекта совершить определенные действия или воздержаться от них; 2) необходимость отреагировать на обращенные к нему требования управомоченного; 3) необходимость нести юридическую ответственность за неисполнение этих требований;

⁵ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1996. С. 206

⁶ Хохлова Е. М. Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Хохлова Е. М. — Саратов, 2008. — С. 87

4) необходимость не препятствовать контрагенту пользоваться благом, на которое он имеет право.⁷

Как особую разновидность общеправовой категории «обязанность» следует рассматривать и более узкую обязанность уголовно-процессуального доказывания. А. В. Авилов выделяет следующие ее признаки: 1) возможность использования мер процессуального принуждения в ходе осуществления собирания, проверки и оценки доказательств всех обстоятельств и фактов, которые имеют значение для уголовного дела; 2) обязанность доказывания как вид деятельности имеет своей целью установление в ходе собирания проверки и оценки доказательств всех обстоятельств и фактов, которые имеют значение для уголовного дела; 3) обязанность доказывания составляет основу деятельности специальных участников уголовного судопроизводства, обусловленную их процессуальным положением и компетенцией.⁸

Объективная необходимость доказывания, с общетеоретической точки зрения, является промежуточной правовой категорией между категорией «обязанность доказывания» и «право доказывания». Объединяющим юридическую обязанность доказывания и объективную необходимость доказывания признаком является *наступление негативных последствий недоказанности*. Однако, при этом, если при неисполнении юридической обязанности доказывания негативные последствия заключаются в виде возможного применения легально определенных санкций, то при отказе от реализации (недостаточно активной реализации) объективной необходимости доказывания, участник уголовного процесса несет риск недоказанности юридически значимых обстоятельств, в признании которых доказанными он заинтересован. В англосаксонской доктрине данный термин име-

⁷ Матузов Н. И. Теория государства и права М., 2014. С. 389.

⁸ Авилов А. В. Субъекты обязанности доказывания в уголовном судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Авилов А. В.— Краснодар, 2011. — С. 24

нуется как «the risk of non-persuasion».⁹ Таким образом, ввиду наличия процессуального интереса с одной стороны, и отсутствия легальных санкций за отказ от реализации доказывания с другой, объективная необходимость доказывания, в определенной степени, занимает промежуточное положение между юридической обязанностью доказывания и субъективным правом на осуществление доказывания. Между тем, как указывает Т. В. Чугурова: «Законному интересу, в отличие от субъективного права не корреспондирует юридическая обязанность, законные интересы в большинстве своем формально не закреплены, не имеют четко выраженной структуры».¹⁰ Вполне можно согласиться и с тезисом В. В. Субочева: «Реализация законного интереса как раз и зависит от совокупности конкретных факторов и обстоятельств в каждом отдельном случае. Отмеченный аспект является неотъемлемым элементом законного интереса и сказывается на его судьбе самым непосредственным образом».¹¹ Так, потерпевший, имеющий статус гражданского истца в уголовном деле, безусловно, имеет право и заинтересован в доказывании оснований и размера своих исковых требований, но это не означает 1) что данную деятельность вместо него обязаны реализовывать остальные участники уголовного процесса 2) в случае недоказанности (неполной доказанности) юридически значимых обстоятельств, кто-либо еще из участников уголовного процесса должен понести негативные последствия недоказанности. Безусловно, гражданский истец кроме объективной необходимости доказывания заявленных требований обладает и правом на реализацию своего процессуального статуса, но этому праву корреспондирует лишь общая обязанность прочих участников уголовно-процессуальных отношений не чинить ему в этом препятствий.

⁹ Дословно с пер. с английского «риск неубеждения» см. Виноградов В. А. Распределение бремени доказывания в уголовном процессе Англии и США // Российское правосудие 2016. № 8 С. 97–101

¹⁰ Чугурова Т. В. Процессуальные формы защиты публичных интересов в российском праве: дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / Чугурова Т. В.- Самара, 2007. С. 21

¹¹ Субочев В. В. Законные интересы М., 2008. С. 141.

В юридической практике могут иметь место случаи, когда участник доказывания; 1) несет лишь юридическую обязанность доказывания; 2) имеет лишь объективную необходимость доказывания; 3) несет как юридическую обязанность доказывания, так и объективную необходимость доказывания.¹²

Несмотря на то, что деятельность по доказыванию составляет значительную часть всей процессуальной активности участников уголовного процесса, категории «бремя доказывания», а также «обязанность доказывания» напрямую закреплены в УПК считанное количество раз. Так, согласно ч. 2 ст. 14 УПК: «Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения». В свою очередь, ч. 4 ст. 235 УПК устанавливает: «При рассмотрении ходатайства об исключении доказательства, заявленного стороной защиты на том основании, что доказательство было получено с нарушением требований настоящего Кодекса, бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на прокуроре. В остальных случаях бремя доказывания лежит на стороне, заявившей ходатайство». Между тем, вполне очевидно, что между участниками уголовного судопроизводства складывается значительное количество других правоотношений, содержанием которых являются обязанность или объективная необходимость осуществления доказывания.

По мнению автора, наличие бремени доказывания, в подобных случаях, может определяться несколькими способами: 1) через содержание предмета доказывания; 2) посредством системного толкования законодательства; 3) путем использования соответствующей правовой терминологии; 4) с помощью фактических правовых презумпций. Представляется целесообразным, далее, в настоящем параграфе рассмотреть каждый из них.

¹² Данный вопрос будет подробно рассмотрен в следующем параграфе настоящей работы.

1) Несмотря на то, что понятие предмета доказывания, в целом, является вполне устоявшимся и в самом элементарном виде отвечает на вопрос: «*Что подлежит доказыванию?*», дискуссия о сущности и содержании предмета доказывания все еще не окончена. В отечественной доктрине можно выделить две основные группы мнений. Согласно первой, предмет доказывания понимается ограничено, — с включением в него лишь главного факта, подлежащего доказыванию в ходе уголовного судопроизводства. Такой позиции придерживались, в частности, Л. Т. Ульянова и В. А. Банин: «Предмет доказывания образуют не все обстоятельства, установление которых имеет какое-либо значение, а именно те, от которых зависит разрешение дела, по существу. Предмет доказывания может быть только один. Нет и не может быть множества предметов доказывания по уголовному делу».¹³

Другая, более многочисленная группа исследователей, наряду с главным фактом, относит к предмету доказывания в уголовном процессе и другие обстоятельства. Признавая, что событие преступления, элементы состава преступления, виновность подсудимого подлежат установлению при производстве по уголовному делу в первую очередь, эти авторы отмечают, что заранее определить содержание предмета доказывания при производстве по уголовному делу невозможно — ввиду его индивидуальности в каждом отдельном случае.¹⁴

Представляется, что следует согласиться с В. А. Лазаревой, которая утверждает о невозможности исчерпывающе установить в тексте нормативного акта универсальный предмет доказывания ввиду уникальности процесса доказывания в ка-

¹³ Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России М., 2008. С. 43.

¹⁴ Петрова О. В., Струкова В. В. Уголовно-процессуальное доказывание Курск, 2013. С. 67; Терехин В. В., Наметкин Д. В., Смолин А. Ю. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: учебное пособие. Н. Новгород, 2013. С. 52; Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 50; Чурилов С. Н. Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве и криминалистике М., 2010. С. 36

ждом отдельном случае. Это привело к появлению в науке уголовного процесса термина «обстоятельства, подлежащие доказыванию», включающего в себя иные, кроме указанных в ст. 73 УПК, юридически значимые факты, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу.¹⁵ Солидарное мнение высказывалось и одним из классиков отечественной процессуальной науки С. А. Шейфером.¹⁶

По мнению автора, наиболее емко и точно содержание предмета доказывания в уголовном процессе определил А. В. Победкин. Во-первых, это обстоятельства, подлежащие доказыванию по каждому уголовному делу (ст. 73 УПК); во-вторых, обстоятельства, подлежащие выяснению по отдельным категориям уголовных дел (ст. 421, 434 УПК); в-третьих, доказательственные (промежуточные) факты; в-четвертых, обстоятельства, установление которых необходимо для принятия отдельных процессуальных решений.¹⁷

Можно согласиться с мнением С. В. Малюгина, что данные обстоятельства образуют так называемый «локальный предмет доказывания».¹⁸ При этом, в отличие от обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК, юридически значимые обстоятельства, образующие локальные предметы доказывания, определяются спецификой каждого конкретного уголовного дела и совокупностью целого ряда индивидуальных факторов. Так, при осуществлении уголовного преследования лица, обвиняемого в совершении тяжкого преступления, следователь может принять решение о возбуждении перед судом ходатайства об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу. Это делает необходимым для прокурора и следователя доказать суду наличие целого ряда обстоятельств, свидетельствующих о наличии оснований и условий для применения данной меры

¹⁵ Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе М., 2013. С. 143.

¹⁶ Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам М., 2014. С. 56.

¹⁷ Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание С. 114.

¹⁸ Малюгин С. В. Локальный предмет доказывания в уголовном судопроизводстве России // Российский юридический журнал. 2014. № 5 Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 09.03.2021.

пресечения. Их совокупность будет являться локальным предметом доказывания. В случае же отсутствия необходимости или возможности избрания меры пресечения, применяемой только на основании судебного решения, отсутствует предмет доказывания как таковой, что логичным образом снимает вопрос и о наличии бремени доказывания обоснованности применения меры пресечения — ввиду того, что меру пресечения, не связанную с ограничением свободы, должностное лицо вправе применить самостоятельно — на основании внутреннего убеждения.

Таким образом, наличие обстоятельств, подлежащих установлению (предмет доказывания), не может не порождать вопроса о субъектах бремени доказывания данных обстоятельств. И наоборот, наличие общей процессуальной обязанности доказывания, существование которой обусловлено целями уголовного судопроизводства, общими принципами уголовного процесса и наличием уголовно-процессуальных функций, в ряде случаев, обуславливает появление соответствующего предмета доказывания. Так, наличие мнения следователя (дознавателя) о необходимости заключения обвиняемого (подозреваемого) под стражу, порождает для него необходимость доказать ряд юридически значимых фактов, образующих, с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела, присущий только данному процессу, предмет доказывания. Между тем, должностное лицо, производящее предварительное расследование, может прийти к выводу об отсутствии необходимости заключения лица под стражу, что, естественным образом, снимает вопрос о предмете доказывания — ввиду отсутствия соответствующей процедуры в данном уголовном деле.

2) Ввиду того, что нормативное закрепление обстоятельств, подлежащих доказыванию, само по себе, в ряде случаев, не сопровождается прямым указанием на участников уголовного процесса, несущих бремя их доказывания, то они определяются путем системного и логического толкования уголовно-процессуального законодательства, а также с учетом его фундаментальных принципов. Так, несмотря на то, что применительно к перечню обстоятельств, входящих в ст. 73 УПК,

бремя доказывания напрямую распределяется лишь в отношении виновности обвиняемого (ст. 14 УПК) можно предположить, что государственный обвинитель несет бремя доказывания и других обстоятельств, установленных данной статьей, в том числе и исключающих уголовную ответственность, а также смягчающих наказание — исходя из действия принципов публичности и законности уголовного судопроизводства.

Между тем, обладая соответствующей обязанностью, участники судопроизводства, представляющие сторону обвинения, далеко не всегда имеют соответствующий правовой интерес — исходя из того, что установление данных обстоятельств может помешать победе в условиях состязательного процесса. Это, по мнению автора, в некоторых случаях, лишает прокурора (следователя, дознавателя) объективной процессуальной необходимости осуществлять доказывание данных обстоятельств. Наоборот, ввиду сохраняющегося у части руководителей правоохранительных органов негативного подхода к оправданию подсудимого или прекращению уголовного дела по реабилитирующему основанию, установление данных обстоятельств, во многих случаях, вступает в противоречие с ведомственными и профессиональными интересами государственного обвинителя (следователя, дознавателя).¹⁹

Таким образом, понимание бремени доказывания не только исключительно как юридической обязанности или же лишь фактической (объективной) необходимости, а как родового понятия, включающего в себя обе вышеуказанные категории, позволяет, в ряде случаев, наглядно понять причины несовпадения должного и сущего в процессе осуществления юридической практики. Кроме того, данный методологический прием также позволяет увидеть, что юридическая обязанность доказывания, в идеале, должна сопутствовать процессуальному интересу,

¹⁹ Между тем так называемый «ведомственный интерес» далеко не всегда имеет негативный характер См. Хроменков И. Р. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Хроменков И. Р.- М., 2022. — С. 75

а не противоречить ему. В противном случае, бремя доказывания не будет реализовываться участниками уголовного процесса должным образом, либо станет осуществляться, в значительной степени, имитационно. Представляется, что именно это обстоятельство, а также наличие наиболее выраженных состязательных начал в уголовном процессе стран англосаксонской правовой семьи, вызвали появление в нем правила о возложении бремени доказывания «защитительных утверждений» («affirmative defenses») именно на сторону защиты.

3) Несмотря на то, что ст. 85 УПК устанавливает, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК, при описании надлежащей процессуальной активности участников уголовного судопроизводства законодатель лишь дважды использует категорию «бремя доказывания» — в ч. 2 ст. 14 УПК и ч. 4 ст. 235 УПК. Между тем, другие правовые термины, суть которых сводится к реализации доказательственной активности, осуществление которой невозможно без действий, хотя бы частично направленных на собирание, проверку и оценку доказательств, встречаются в тексте УПК гораздо чаще. Так, согласно ч. 4 ст. 7 УПК определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, *обоснованными* и мотивированными; ч. 2 ст. 21 УПК предусматривает обязанность по *установлению* события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления; согласно ч. 3 ст. 37 УПК в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор *поддерживает* государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность; согласно ч. 1 ст. 86 УПК собирание доказательств *осуществляется* в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий; ст. 87 УПК предусматривает, что проверка доказательств *производится* дознавателем, следователем, прокурором, судом путем *сопоставления* их с другими доказательствами,

имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство; согласно ч. 1 ст. 88 УПК каждое доказательство *подлежит* оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела. Согласно ч. 3 ст. 108 УПК в постановлении о возбуждении ходатайства перед судом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу *излагаются* мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу и невозможно избрание иной меры пресечения. К постановлению *прилагаются* материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства; согласно ч. 4 ст. 125 УПК заявитель *обосновывает жалобу*, поданную в рамках процедуры так называемого судебного контроля; ч. 5 ст. 165 УПК предусматривает, что к уведомлению *прилагаются* копии постановления о производстве следственного действия и протокола следственного действия для проверки законности решения о его производстве; согласно ч. 1 ст. 240 УПК доказательства подлежат непосредственному *исследованию*, для чего суд производит следственные действия; согласно ч. 1 ст. 273 УПК судебное следствие начинается с *изложения* государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения, а по уголовным делам частного обвинения — с изложения заявления частным обвинителем; в соответствии с ч. 2 ст. 274 УПК первой *представляет* доказательства сторона обвинения. После исследования доказательств, представленных стороной обвинения, исследуются доказательства, представленные стороной защиты. Кроме того, ст. 292 УПК предусматривает участие государственного обвинителя и адвоката в прениях сторон, которые подытоживают доказательственную деятельность участников судопроизводства в суде первой инстанции.

4) Презумпции в уголовном процессе, при регулировании правоотношений, содержанием которых является, в том числе, надлежащая реализация участниками доказывания бремени доказывания, выполняют сразу две функции. Во-пер-

вых, они освобождают от бремени участника доказывания, в пользу которого устанавливается презюмируемый факт; во-вторых, возлагают бремя доказывания на сторону (участника доказывания), которой необходимо его опровергнуть. Наиболее наглядно данный алгоритм выражен в ч. 2 ст. 14 УПК, имеющей ключевое значение в распределении общего бремени доказывания в ходе уголовного судопроизводства: «Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения». Между тем, не исключены случаи, когда освобождение от бремени доказывания одной из сторон процесса не является абсолютным и на нее может быть частично возложено встречное бремя доказывания — в случае, если процессуальным оппонентом были предприняты успешные шаги в опровержении изначально презюмируемого факта.²⁰ Поскольку значительное число юридически значимых обстоятельств уголовного дела, подлежащих доказыванию, являются уголовно-правовыми, а не уголовно-процессуальными, то существенное значение при распределении бремени доказывания, помимо презумпции невиновности, имеют и уголовно-правовые презумпции.

В отличие от классических правовых презумпций²¹, к которым относится, и презумпция невиновности, ни одна из уголовно-правовых презумпций не имеет прямой юридической конструкции, — они расположены лишь в общей части УК РФ, и все являются косвенными, поскольку выводятся из смысла соответствующих статей, но прямо в них не закреплены.²² К видам презумпций в теории уго-

²⁰ Смирнов А. В. Презумпции и распределение бремени доказывания в уголовном процессе // Государство и право 2008. № 1 С. 61

²¹ Правовая презумпция — это закрепленное в правовой норме вероятностное опровержимое предположение о существовании юридического факта, основанное на статистически закономерной взаимосвязи между имеющимся фактом и предполагаемым см. Колоколов Н. А. Теория уголовного процесса Презумпции и преюдиции под ред. Н. А. Колоколова М. 2012. С. 55

²² Пронина М. П. Презумпции в современном российском праве М. 2011. С. 74

ловного права относят следующие: знания закона (ст. 9 УК); истинности уголовного запрета (ст. 9, 10 УК); вменяемости (ст. 21 УК)²³; невменяемости (ст. 21 УК)²⁴; непонимания лицом до достижения 14–16 лет общественной опасности совершаемого им деяния (ч. 1, 2 ст. 20 УК); осознания лицом, достигшим 14–16-летнего возраста на момент совершения преступления, вредоносности своего поведения (ч. 1, 2, 3 ст. 20 УК); увеличения степени опасности правонарушения при рецидиве преступлений (ст. 18, п. «а» ч. 1 ст. 63 УК); истинности приговора (ст. 70, 73 УК); понимания характера опасности своего деяния лицом, находящимся в состоянии опьянения (ст. 23 УК); предположения о возможности совершения вновь тождественного деяния подсудимым, если он будет после осуждения заниматься той же деятельностью или занимать ту же должность (ст. 74 УК); утраты общественной опасности совершенного правонарушения и личности преступника по истечении длительных сроков с момента совершения деяния (ст. 78, 83 УК); повышения общественной опасности содеянного при совершении преступления с отягчающими, квалифицирующими обстоятельствами и др.²⁵

Помимо правовых (юридических) и косвенных презумпций в науке также выделяются фактические презумпции, которые могут лишь отдаленно иметь под собой именно нормативную основу. Если предписания косвенной презумпции, в части распределения бремени доказывания, хоть и не установлены в соответствующей норме напрямую, но могут быть выведены из нее, то единственным базисом фактических презумпций можно признать доминирующие тенденции су-

²³ Позиция о действии при осуществлении уголовно-процессуального доказывания презумпции вменяемости и как следствия освобождения стороны обвинения от доказывания данного обстоятельства не разделяется в настоящей работе и далее будет подвергнута критическому анализу

²⁴ Вопрос о наличии либо же отсутствии в уголовном праве соответствующей презумпции является дискуссионным и далее рассматривается в настоящем исследовании

²⁵ Панько К. К. Презумпции в уголовном праве и процессе, их значение и квалификация // Вестник Воронежского государственного университета серия «Право» 2013. № 1 С. 325

дебной практики в части доказывания тех или иных юридически значимых обстоятельств. К таковой, по мнению автора, можно отнести и общеправовую презумпцию знания закона, в том числе и уголовного. «В ряде случаев, совершая преступление, лицо не может не осознавать, что его деяние причиняет вред обществу (дача и получение взятки, дезертирство, приобретение, хранение либо сбыт наркотических средств и т. п.). При этом общественная опасность подобного деяния есть не что иное, как общеизвестный факт. В указанных выше случаях этот факт имеет, как правило, либо всеобщий, либо, по крайней мере, локальный (в пределах данной страны) характер».²⁶

Теоретическую конструкцию бремени доказывания нельзя признать завершенной без определения критерия его надлежащей реализации соответствующим участником уголовного процесса. Можно признать, что таковым является достижение субъектом бремени доказывания надлежащего стандарта доказанности обстоятельств, образующих предмет доказывания в конкретном производстве. Главной методологической проблемой, в данном контексте, является ошибочное смешение понятий «стандарт доказывания» («стандарт доказанности») и «пределы доказывания».

Согласно О. В. Левченко «пределы доказывания — это границы, в которых осуществляется собирание, проверка и оценка различных средств доказывания в необходимой и достаточной их совокупности в целях достижения истины по уголовному делу».²⁷ В свою очередь, А. Б. Коновалова полагает, что критерием достижения глубины доказывания выступает формирование соответствующего внутреннего убеждения у лица, осуществляющего обоснование конкретного юри-

²⁶ Смирнов А. В. Презумпция осознания лицом (долженствования осознания) общественной опасности своих действий («знания закона») // Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки 2019. № 1 С. 10

²⁷ Левченко О. В. Доказывание в уголовном процессе России Астрахань, 2000. С. 91

дического факта.²⁸ А. Р. Белкин указывает, что исследование предмета доказывания должно осуществляться не только вглубь, но и в ширину, то есть с использованием всей системы доказательств, существующих в уголовном процессе. Этот же автор справедливо указывает на то, что глубина доказывания может быть различной в каждом отдельном случае — в зависимости от решения, которое должно быть принято субъектом доказывания.

Нельзя не заметить, что при определении понятия пределов доказывания отечественными учеными используются два основных критерия — количественный и качественный. Под количественным критерием понимается предоставление субъектом доказывания необходимой совокупности доказательств. Под качественным — их способность формировать определенную степень внутреннего убеждения у лица (о вероятном или достоверном характере доказанности обстоятельств, составляющих предмет доказывания) принимающего процессуальное решение. Позиция о различии количественного и качественного критериев, в частности, выражена С. А. Барабашем: «Пределы доказывания характеризуют существующее наличие доказательств, достаточность характеризует их с позиции возможности получения знания. Пределы доказывания — количественная характеристика, достаточность — качественная. Или точнее, пределы доказывания превращаются в новое качество, в знание при их достаточности. Достаточность характеризует скачок — переход количества в качество».²⁹

Нельзя не согласиться, что количественный и качественный критерий — различные категории, поэтому, представляется, методологически целесообразно дифференцировать каждую из них. Под количественным критерием следует понимать минимально необходимую совокупность доказательств для установления какого-либо факта, входящего в предмет доказывания. Обязательность представления

²⁸ Коновалова А. Б. Основы теории доказывания Киров, 2012. С. 70

²⁹ Барабаш А. С. Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности правонарушителя Красноярск, 1997. С. 88.

необходимого объема доказательств субъектом бремени доказывания устанавливается законодателем, правовыми позициями высших судебных органов, а также судебной практикой. Например, в соответствии со ст. 196 УПК, надлежащие пределы доказывания при производстве по ряду уголовных дел невозможно достичь без представления такого доказательства как заключение эксперта (экспертов). В свою очередь, Верховный Суд РФ частично ориентирует на пределы доказывания по делам, связанным с нарушением правил дорожного движения: «Судам необходимо иметь в виду, что по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 2, 4 и 6 ст. 264 и ст. 264.1 УК РФ, факт употребления лицом, управляющим транспортным средством, веществ, вызывающих алкогольное опьянение, должен быть установлен по результатам освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и (или) медицинского освидетельствования на состояние опьянения, а наличие в организме такого лица наркотических средств или психотропных веществ — по результатам химико-токсикологических исследований при медицинском освидетельствовании на состояние опьянения, проведенных в соответствии с правилами, утвержденными Правительством Российской Федерации, и в порядке, установленном Министерством здравоохранения Российской Федерации, либо по результатам судебной экспертизы, проведенной в порядке, предусмотренном УПК РФ».³⁰

В свою очередь, способность представленной субъектом бремени доказывания необходимой совокупности доказательств сформировать достаточную, у лица, принимающего процессуальное решение, степень внутреннего убеждения в доказанности (недоказанности) определенного факта, входящего в предмет доказывания, означает, что им достигнут надлежащий стандарт доказанности об-

³⁰ П. 10.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения». Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 16.03.2021

стоятельств, входящих в предмет доказывания (главных, предусмотренных ст. 73 УПК, или промежуточных).

Как уже было отмечено в настоящей работе, наиболее глубоко учение о стандартах доказывания в уголовном процессе развито в англосаксонской теории доказательственного права.³¹ Именно стандарт доказанности обстоятельств, составляющих предмет доказывания, создает ориентир для субъекта бремени доказывания в процессе своей деятельности по собиранию, проверке и оценке доказательств, способный дать ответ на вопрос — соблюден ли критерий достаточности в осуществлении доказывания и может ли собранная и представленная суду совокупность доказательств убедить его в доказанности юридически значимого обстоятельства.

В отличие от англосаксонской доктрины, предусматривающей множество стандартов доказывания, соответствующих достижению судом различной по глубине степени внутреннего убеждения³², в отечественной науке уголовного процесса существует лишь два общепризнанных стандарта доказывания — достижение в результате процесса доказывания либо *вероятного*, либо *достоверного* знания о наличии (отсутствии) юридически значимого обстоятельства. При этом, к сожалению, в отечественной теории уголовного процесса не выработан единый критерий, которому должна соответствовать достоверная убежденность суда в доказанности обстоятельств, составляющих предмет доказывания. Справедливое указа-

³¹ См. подробнее Виноградов В. А. Распределение бремени доказывания и стандарт доказывания в уголовном процессе Англии и США // Российское правосудие. 2016. № 8 (124). С. 97–101; Костенко Р. В. Состояние доказанности как оценочная категория в уголовно-процессуальном праве // Правовая парадигма 2019. № 2 С. 35–41

³² Автор солидарен с позицией С. В. Корнаковой, которая отмечает, что категория достоверности отличается от категории «истинность» по неизбежному признаку субъективности первой: «Что является, бесспорно, достоверным для одного субъекта, может быть недостаточно достоверным для другого». См. Корнакова С. В. Соотношение понятий «достоверность» и «истинность» доказательств в уголовном процессе // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 2. С. 69–75

ние на тот факт, что обвинительный приговор суда должен содержать достоверные сведения, подтверждающие виновность подсудимого³³ не дает ответ на другой важнейший вопрос — допускается ли при постановлении обвинительного приговора хотя бы малейшее сомнение суда в доказанности наличия события и состава преступления и причастности подсудимого к его совершению? В настоящий момент отрицательный ответа на данный вопрос дает норма, предусмотренная ч. 3 ст. 14 УПК: «Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого». В действующей редакции она соответствует англосаксонскому стандарту доказанности «вне тени сомнений» («Beyond the shadow of doubts») — с одной стороны предоставляя подсудимому более высокую гарантию реализации его права на защиту, с другой изначально ставя под сомнение возможность его практического воплощения в юридической практике. Представляется, что даже при самом требовательном отношении к доказательствам обвинения, а также участия в уголовном преследовании самых профессиональных прокуроров, следователей и дознавателей практически невозможно обеспечить отсутствие хотя бы минимальных сомнений у суда в доказанности обвинения по ряду уголовных дел. Это неизбежно влечет фактическое понижение стандарта доказанности виновности подсудимого, как минимум до уровня «вне разумных сомнений», а в ряде судебных процессов и ниже.

Несмотря на то, что для определения степени доказанности прочих юридических фактов, не связанных, напрямую, с доказыванием виновности подсудимого, вполне можно использовать категорию «вероятность» (с уточнением ее степени), не встречая на этом пути неразрешимых правовых проблем, отечественное уголовно-процессуальное законодательство использует только специальные, применяемые лишь в конкретном производстве стандарты доказанности юридиче-

³³ Бойченко О. И. Достоверность и вероятность при характеристике пределов доказывания по уголовным делам // Закон и право. 2012. № 6 С. 78

ски значимых обстоятельств. Так, согласно правовой позиции Верховного Суда РФ: «Избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Обоснованное подозрение предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению».³⁴ Данный стандарт доказывания причастности обвиняемого (подозреваемого) к совершению преступления именуется «обоснованное подозрение»³⁵ и не соответствует, по мнению автора, не только достоверной, но даже высокой степени вероятности убеждения суда. Тем не менее, наличие лишь минимальных сведений о причастности лица к совершению преступления, на начальных этапах уголовного преследования, может быть достаточным (в совокупности с существованием иных необходимых условий) для избрания меры пресечения.

Таким образом, бремя доказывания в уголовном процессе объединяет в себе категории, как юридической обязанности, так и объективной необходимости доказывания юридически значимых обстоятельств уголовного дела, установление которых необходимо для принятия судом итогового или промежуточного решения. Юридическая обязанность отличается от объективной необходимости доказывания официальным закреплением в правовых нормах и возможностью применения легальных санкций за ее невыполнение.

Главными драйверами реализации объективной необходимости доказывания выступают наличие у участника доказывания процессуального интереса в установлении того или иного юридического факта и его фактическое процессуальное положение. Критерием как надлежащей реализации обязанности доказывания,

³⁴ П. 2 «Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» Доступ из СПС Консультант+» Дата обращения 05.05.2021

³⁵ Впервые был использован в Постановлении ЕСПЧ. Смп.32–34 Постановления ЕСПЧ по делу «Фокс, Кэмпбэл и Хартли против Великобритании» от 30 августа 1990 г. <https://base.garant.ru/167285/> Дата обращения 28.06.2021

так и успешного осуществления объективной необходимости доказывания является достижение необходимых пределов доказывания и стандарта доказывания обстоятельств, составляющих предмет доказывания в конкретном производстве.

В ходе движения уголовного дела в уголовном процессе могут складываться ситуации, когда на участника доказывания возлагается лишь юридическая обязанность доказывания, только фактическая (объективная) необходимость доказывания, а также обе они одновременно. Общие теоретические основы возложения бремени доказывания на конкретных участников уголовного судопроизводства будут рассмотрены в следующем параграфе настоящего пособия.

§2. Субъекты бремени доказывания в отечественном уголовном судопроизводстве

Проблематика реализации бремени доказывания участниками уголовного процесса, как предмет научного исследования, несмотря на ее комплексный характер, в целом, имеет как теоретико-правовые, так и практические аспекты.

В настоящем параграфе рассматриваются, прежде всего, общие теоретические основы возложения бремени доказывания на основных участников уголовного процесса. В основе его распределения в суде первой инстанции лежат, главным образом, принципы действия презумпции невиновности, состязательности, законности и публичности. Кроме того, научная структура материала обусловлена и тем обстоятельством, что классификация субъектов юридического процесса, как указывает Ю. П. Боруленков, главным образом, проводится в зависимости от интереса при разрешении юридического дела, а также по обязанности осуществления юридического познания и соответственно доказывания.³⁶ С учетом вышеотмеченного, изложение теоретических аспектов распределения бремени

³⁶ Боруленков Ю. П. Юридическое познание, доказательство и доказывание М. 2016. С. 310

доказывания начинается с анализа доказательственной деятельности участников процесса со стороны обвинения — ввиду того, что ее представители инициируют само уголовное судопроизводство, а также процесс доказывания, реализуя бремя доказывания во всей полноте. Далее анализируется отношение к бремени доказывания участников уголовного процесса со стороны защиты, поскольку активное процессуальное состязание стороны обвинения и стороны защиты является одним из основных стимуляторов надлежащего осуществления доказывания, а значит повышает вероятность постановления судом законного, обоснованного и справедливого приговора. С учетом того, что, с одной стороны, доказательственная активность суда, в условиях состязательности уголовного судопроизводства, является субсидиарной, а с другой, суд, тем не менее, является главенствующим процессуальным субъектом и, постановляя приговор или иное итоговое или промежуточное судебное решение, подводит итог доказательственной деятельности сторон, возможность частичного возложения на суд бремени доказывания рассматривается после анализа доказательственного статуса других участников уголовного судопроизводства.

Правовой основой, как всей процессуальной активности профессиональных субъектов стороны обвинения в уголовном процессе, так и реализации бремени доказывания, несмотря на отсутствие прямого нормативного закрепления, выступает принцип публичности. Ввиду этого, уголовное преследование является обязанностью должностных лиц. Обязывающий характер носят и прочие уголовно-процессуальные нормы, устанавливающие доказательственную деятельность прокурора, следователя и дознавателя, несмотря на отсутствие, в большинстве случаев, прямого указания на установление соответствующей юридической обязанности в том или ином случае. «На должностных лиц, ведущих процесс, как на представителей государственной власти, возлагается обязанность защитить нарушенные права участников уголовного судопроизводства, в том числе путем расследования уголовного дела, рассмотрения и разрешения его по су-

ществу и вынесения справедливого решения по делу».³⁷ При этом, очевидно, что как прокурор, так и другие публично-властные субъекты со стороны обвинения обладают возможностью выбора варианта поведения — совершении процессуального действия либо отказе от него. Между тем, говорить о том, что такая активность является не обязанностью, а правом доказывания, не представляется верным. А. Н. Козлова указывает, что государственно-властное (публичное) усмотрение, главным образом, заключается в том, что выбор варианта действия осуществляется в процессе реализации должностным лицом своих полномочий (прав и обязанностей), поэтому возможность сделать выбор является одновременно и правом и обязанностью.³⁸ Общая обязанность доказывания прокурора установлена, прежде всего, ч. 1, 2 ст. 21 УПК, согласно требованиям которой прокурор осуществляет уголовное преследование от имени государства, а также принимает меры к установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления, и в ч. 2 ст. 14 УПК: «Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения». Исходя из этого, прокурор в ходе доказывания в суде первой инстанции обязан осуществлять оценку и проверку доказательств (ч. 1 ст. 86 УПК) в целях установления, главным образом, обстоятельств, образующих главный предмет доказывания по уголовному делу (ст. 73 УПК). Ст. 246 УПК предусматривает, что прокурор в судебном заседании поддерживает государственное обвинение, а в соответствии с п. 5 ст. 246 УПК: «Государственный обвинитель представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства,

³⁷ Рябцева Е. В. Соотношение принципа разумности, публичности и диспозитивности в уголовном процессе // Общество и право 2011. № 5 (37). С. 219

³⁸ Козлова А. Н. Публичность как принцип уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Козлова. М., 2007. С. 163

высказывает суду предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания». Таким образом, можно заключить, что основной формой реализации обязанности доказывания прокурором в суде первой инстанции является представление доказательств и их оценка, что частично перекликается с англосаксонскими элементами бремени доказывания «burden of production» и «burden of persuasion». Кроме того, прокурор (в ряде случаев наряду со следователем или дознавателем) осуществляет уголовно-процессуальное доказывание обстоятельств, установление которых необходимо для принятия промежуточных процессуальных решений (в том числе, в рамках осуществления судебного контроля, а также в ходе предварительного слушания). Представляется, что уполномоченными лицами, которые вправе требовать осуществления данной обязанности в уголовном процессе являются, прежде всего, лица и организации, потерпевшие от преступления. Это вытекает из назначения уголовного процесса (ч. 1 ст. 6 УПК).

Таким образом, можно констатировать, что между государством и конкретными лицами и организациями, которым фактом совершения общественно опасного деяния был причин вред, складываются уголовно-процессуальные правоотношения, основным содержанием которых является правовосстановительная деятельность органов уголовного преследования в целом и прокурора — на судебных стадиях уголовного судопроизводства, в частности. Без осуществления обязанности доказывания невозможно привлечение виновных в совершении преступлений лиц к уголовной ответственности, а, следовательно, и восстановление прав и законных интересов потерпевших.

В качестве материально-правового основания для привлечения прокурора к дисциплинарной ответственности за упущения, допущенные при реализации бремени доказывания или при полном уклонении от данной деятельности, следует рассматривать возможность отнесения таких ошибок к дисциплинарному проступку, связанному в соответствии с п. 1 ст. 47.7 ФЗ «О прокуратуре Российской

Федерации», с неисполнением или ненадлежащим исполнением работником прокуратуры своих служебных обязанностей. В некоторых случаях, не исключается применение к прокурорским работникам и уголовной ответственности.

Вместе с тем, кроме непосредственно юридической обязанности доказывания, прокурор, следователь и дознаватель имеют и процессуальный интерес, который заключается в положительном, для стороны обвинения, исходе судебного разбирательства. Кроме того, не во всех случаях «поражения» в состязательном уголовном процессе имеет место именно правонарушение участника доказывания со стороны обвинения, заключающееся в неисполнении обязанности доказывания. Так, например, иногда, несмотря на все усилия государственного обвинителя, возможно оправдание подсудимого или существенное снижение наказания — в связи с грамотной работой защитников, изначально некачественным собиранием доказательств в ходе предварительного расследования, или в случае судебной ошибки. Можно ли в подобных случаях говорить о невыполнении участниками доказывания со стороны обвинения их обязанности? Представляется что нет. Но, в то же время, вполне уместно говорить о том, что объективно необходимая, для победы в условиях конкретного состязательного уголовного процесса, или для принятия промежуточного процессуального решения, степень убеждения суда в обоснованности своих требований прокурором (следователем, дознавателем) была не достигнута, в результате чего представители стороны обвинения «теряют» возможность их удовлетворения (полностью или частично).

Несмотря на то, что следователь (дознаватель) реализует свои полномочия в сфере доказывания, главным образом, путем расследования уголовного дела в рамках досудебного производства, в ряде случаев реализация бремени доказывания осуществляется им и в суде первой инстанции — при избрании в отношении обвиняемого (подозреваемого) одной из мер пресечения, предусмотренных ст. 105.1-108 УПК; при судебном рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК; при судебном порядке получения разрешения на проведения следственного дей-

ствия или признании допустимыми результатов неотложного следственного действия — в соответствии со ст. 165 УПК.

Общие теоретические основы реализации бремени доказывания следователем (дознавателем) схожи с таковыми у прокурора и определяются, главным образом, принципом публичности уголовного преследования. При этом проблематика распределения бремени доказывания в промежуточных производствах, в которых следователь (дознаватель) участвует в доказывании наряду с прокурором, характеризуется не только наличием процессуального состязания стороны обвинения и стороны защиты, но необходимостью поиска оптимального баланса доказательственной активности между прокурором с одной стороны и следователем (дознавателем) с другой.³⁹ Можно лишь констатировать, что основным интересантом в наиболее активной реализации бремени доказывания в процедурах судебного контроля является именно следователь (дознаватель) как должностное лицо, несущее прямые процессуальные последствия вынесения неудовлетворяющего его решения.

Другую группу участников доказывания со стороны обвинения в суде первой инстанции, чье отношение к реализации бремени будет существенно отличаться от такового у публичных должностных лиц органов уголовного преследования, составляют непрофессиональные участники уголовного процесса: потерпевший (гражданский истец), а также их законные представители. Они не являются субъектами юридической обязанности доказывания, (которую не стоит отождествлять с обязанностью потерпевшего давать показания (п. 2 ч. 5 ст. 42 УПК), а также в ряде случаев, участвовать в проведении судебной экспертизы в соответствии ст. 196 УПК). В последних случаях потерпевший является не субъектом доказывания, а источником доказательств.

Представляется, что главным процессуальным драйвером, определяющим активность непрофессионального участника доказывания, выступает, стремление

³⁹ Данная проблематика рассмотрена в главе 2 настоящей работы.

к восстановлению нарушенных преступлением прав и законных интересов, основной формой реализации которого является заявление гражданского иска. Однако, если при доказывании обстоятельств, имеющих уголовное-правовое значение⁴⁰ прокурор несет как юридическую обязанность доказывания, так и обладает объективной необходимостью доказывания, в силу чего доказательственная активность потерпевшего является субсидиарной, то при установлении обстоятельств, относящихся к гражданскому иску, складывается совершенно другая ситуация. Во-первых, согласно правовой позиции Верховного Суда РФ бремя доказывания гражданского иска в уголовном процессе несет именно гражданский истец.⁴¹ Прокурор же несет лишь обязанность предъявления (поддержания) гражданского иска, если это требуется для охраны прав граждан, общественных интересов, интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий. Во-вторых, несмотря на то, что в п. 4 ч.1 ст. 73 УПК, в отличие от правовой позиции Конституционного Суда РФ, бремя доказывания уголовно-правовых и гражданско-правовых последствий преступления не разделяется, вполне очевидно, что основной процессуальный интерес прокурора состоит в доказывании обстоятельств, образующих именно состав преступления, а не обстоятельств, свидетельствующих об обоснованности заявленных гражданско-правовых требований. Следовательно, в части доказывания характера и размера вреда общественного опасного деяния процессуальные интересы прокурора и гражданского истца (по-

⁴⁰ Подразделение последствий преступления на уголовно-правовые и гражданско-правовые сформулировано, в том числе в правовой позиции Конституционного Суда РФ. См. абз. 4 п. 2 Постановления Конституционного суда РФ от 7 апреля 2015 г. № 7-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 гражданского кодекса Российской Федерации и пункта «а» части второй статьи 166 уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Кряжева Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 08.05.2021

⁴¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 05.09.2021

терпевшего), в отличие от заинтересованности в уголовном преследовании подсудимого (гражданского ответчика), могут начать расходиться, даже с учетом того факта, что удовлетворению гражданского иска предшествует доказывание виновности подсудимого (гражданского ответчика) в совершении преступления. Таким образом, гражданский истец (потерпевший) несет как юридическую обязанность доказывания оснований и размера гражданского иска — в силу ст. 56 Гражданско-процессуального кодекса РФ, так и обладает объективной необходимостью доказывания в силу того, что прокурор освобожден как от обязанности доказывания оснований и размера гражданского иска, так и, очевидно, не имеет соответствующего процессуального интереса, а значит и объективной необходимости доказывания.

Несмотря на то, что и в официальных документах, и в доктрине уголовного процесса, обвиняемый и его защитник именуются «сторона защиты», представляется, что данные процессуальные субъекты наделены принципиально различным правовым статусом. Если ч. 2 ст. 14 УПК прямо указывает на то, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, то нормы об отношении к бремени доказывания адвоката нормативная конструкция презумпции невиновности не содержит. В свою очередь, ст. 53 УПК содержит перечень прав, но не обязанностей защитника. Вместе с тем, данная ситуация не означает, что адвокат не несет юридической ответственности за пассивность в реализации своих полномочий. Согласно п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее по тексту — «КПЭА») адвокат активно защищает права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, а ст. 19-26 данного правового акта предусматривают порядок привлечения к дисциплинарной ответственности за ненадлежащее осуществление своих профессиональных обязанностей.⁴² Кроме

⁴² Кодекс профессиональной этики адвоката (принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (с изменениями и дополнениями, утвержденными шестым Всероссийским съездом адвокатов 22 апреля 2013 г.) (с изменениями и дополнениями) Доступ из СПС «Гарант» Дата обращения 21.09.2021

этого, в соответствии со ст. 13 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (далее по тексту — «Стандарт») защитник принимает меры к собиранию и представлению необходимых для защиты доказательств, в том числе посредством заявления ходатайств, направления адвокатских запросов, привлечения специалиста, если в ходе уголовного судопроизводства возникает такая необходимость и обстоятельства дела позволяют принять такие меры, а также совершает иные действия, необходимые для реализации правовой позиции по делу.⁴³ Помимо этого, адвокат не вправе отказаться от участия в прениях сторон, а значит и от оценки доказательств.

В контексте анализа надлежащей доказательственной активности адвоката наиболее сложным и болезненным можно признать вопрос осуществления защиты в порядке ст. 50, 51 УПК, — так называемой работы «по назначению», то есть счет средств федерального бюджета. Качество данной работы не должно быть ниже, чем при оказании юридической помощи на основании соглашения. Согласно п. 8 ст. 10 КПЭА обязанности адвоката, установленные действующим законодательством, при оказании им юридической помощи бесплатно в случаях, предусмотренных законодательством, или по назначению органа дознания, органа предварительного следствия или суда не отличаются от обязанностей при оказании юридической помощи на гонорарной основе.

Данное требование приобретает особое значение в субъектах РФ, где данный порядок оказания защиты по уголовным делам является основным. Между тем, Стандарт не может полностью снять проблематику некачественной юридической помощи «по назначению» в силу объективных экономических факторов. Представляется, что одной из самых дискуссионных норм данного правового акта является абз. 2 ст. 23. «Время занятости адвоката, участвующего в уголовном деле

⁴³ Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.) Доступ из СПС «Гарант» Дата обращения 21.09.2021

по назначению дознавателя, следователя или суда, исчисляется в днях, в которые он был фактически занят осуществлением полномочий адвоката по соответствующему уголовному делу, вне зависимости от продолжительности работы по данному уголовному делу в течение дня, в том числе в течение нерабочего праздничного дня или выходного дня либо ночного времени».

Таким образом, равные суммы подлежит выплате как адвокату, который выступил в судебных прениях продолжительностью 10 минут, так и защитнику, который провел практически весь день, участвуя в многочасовом и изматывающем допросе. Разумеется, что даже короткое участие в процессуальном действии подразумевает, как правило, долгую, а иногда, и затратную подготовку к нему. Поэтому избранный Правительством России подход, в данной части, изначально представляется оправданным. К сожалению, как это нередко бывает, этический и соответствующий, в том числе рыночным условиям посыл, возведенный в норму права, был извращен при столкновении с правовой действительностью. Основой профессиональной стратегии ряда недобросовестных адвокатов стало увеличение количества следственных действий, в которых они принимают участие в течение дня. Разумеется, что это возможно только при условии, что присутствие на каждом из них по отдельности не отнимает у такого защитника критическое для него количество времени. Данное обстоятельство, в свою очередь, влечет избрание пассивной тактики защиты, а иногда и вовсе просто физическое присутствие адвоката, вся защитительная деятельность которого сводится к фразам «ходатайств не имею» и «вопрос наказания оставляю на усмотрение суда».

Вполне естественно, что данная проблема не осталась без внимания органов адвокатского сообщества, которое предпринимает определенные усилия к искоренению описанной практики. Одной из таких мер стало распространение на общедо-
 федеральный уровень внедренного ранее рядом адвокатских палат субъектов РФ, правила о вызове адвоката должностными лицами правоохранительных органов и судом не путем прямого обращения к адвокату, а посредством направления за-

явки координатору адвокатской палаты, который, в свою очередь, распределяет обращения об осуществлении защиты в соответствии с установленными палатой субъекта РФ правилами (например, с помощью электронной очереди).

Таким образом, сравнение правовых реалий оказания юридической помощи в рамках заключенного с подзащитным соглашения с одной стороны, и в порядке «назначения» с другой, показывает, что установление юридической обязанности доказывания в некоторых случаях, само по себе, хотя и является необходимой мерой, но полностью становится достаточным лишь при наличии у процессуального субъекта интереса в реализации прав и исполнении обязанностей. В этом случае юридическая обязанность доказывания становится для участника процесса одновременно и объективной необходимостью не только в силу угрозы применения прямых дисциплинарных санкций, но и в силу возможного наступления последствий недоказанности своих доводов, что, логически приводит к неудачному исходу процесса, а в перспективе, в том числе, и к экономическим и репутационным потерям.

При общем анализе возложения бремени доказывания на участников доказывания со стороны защиты необходимо обратиться и к специфике правового положения гражданского ответчика. Данная проблематика становится особенно актуальной при сочетании с процессуальным статусом подсудимого. Доказательственная активность участников уголовного судопроизводства при рассмотрении и разрешении гражданского иска регламентируются нормами как уголовного права и процесса, так и нормами гражданского и гражданско-процессуального права. Данная позиция является доминирующей и, в целом, принята как юридической наукой, так и судебной-следственной практикой. Между тем, существуют и другие точки зрения. По мнению А. Л. Калининой процессуальный статус гражданского истца и гражданского ответчика, их представителей детально регламентирован в УПК РФ, что позволяет сделать вывод о том, что к правам и обязанностям данных субъектов неприменимы положения гражданско-процессуального законода-

тельства.⁴⁴ Между тем, является очевидным, что, выступая средством регулирования, прежде всего, публичных правоотношений, связанных с уголовным преследованием, нормы уголовного процесса не содержат и не могут содержать всех правовых предписаний в части гражданского иска в уголовном деле. Как отмечала еще П. А. Лупинская, особенности доказательственного процесса и его результат в уголовном и гражданском процессах определяются, в первую очередь, предметом доказывания, а также различием субъектов процесса, на которых возлагается обязанность доказывания в уголовном и гражданском судопроизводстве (ч. 2 ст. 14 УПК, ст. 56 ГПК).⁴⁵

В связи с этим, представляется, что проблема решается следующим образом: при доказывании фактов, имеющих уголовно-правовое значение (ст. 73 УПК) обязанность доказывания возлагается на сторону обвинения, а в отношении обвиняемого (гражданского ответчика) действует презумпция невиновности, в соответствии с которой они не обязаны доказывать свою невиновность; при доказывании же обстоятельств, имеющих гражданско-правовое значение, в соответствии со ст. 56 ГПК подсудимый будет должен привести свои доводы против гражданского иска.

Прежде чем переходить к анализу распределения бремени доказывания конкретных юридических фактов методологически целесообразно также рассмотреть особенности возложения бремени доказывания на суд. Данная исследовательская задача обусловлена его господствующей процессуальной ролью, обладанием распорядительными полномочиями в ходе отправления правосудия, а также правом не только оценивать доказательства, но и в ряде случаев, собирать их. Необходимо сразу отметить, что суд несет бремя доказывания в рамках общей процессуальной обязанности вынести справедливый, законный и обоснованный приговор в соот-

⁴⁴ Калинина А. Л. Проблемы применения гражданского иска при рассмотрении уголовного дела в особом порядке // Мир юридической науки 2018. № 7 С. 65

⁴⁵ Лупинская П. А. Общее и особенное в правилах о доказательствах и доказывании в УПК РФ и ГПК РФ // Lex Russica 2005. № 4 С. 709

ветствии с ч. 1 ст. 297 УПК, а также иное итоговое или промежуточное судебное решение в соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК.

Среди исследователей наименьшие споры вызывает тезис о том, что для вынесения приговора суду необходимо осуществлять обязанность доказывания, прежде всего, в виде оценки доказательств. Так А. В. Пиук отмечает, что, не выполнив ее, суду невозможно окончить производство постановлением приговора. Ч. 1 ст. 297 УПК устанавливает, что приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Ч. 4 ст. 302 УПК закрепляет положение о том, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств. Согласно ч. 3 и 4 ст. 305 УПК и ч. 2 ст. 307 УПК, закрепляющих требования к описательно-мотивировочным частям обвинительного и оправдательного приговоров, приговор суда должен содержать доказательства, на которых основаны выводы суда о виновности либо невиновности лица, а также мотивы, по которым суд отверг другие доказательства, то есть обстоятельства должны быть доказанными.⁴⁶

С последней позицией согласны и многие другие авторы, которые указывают, что для разрешения уголовного дела по существу суд, как минимум, должен осуществить оценку представленного участниками процесса доказательственного материала, отразив таким образом свое внутреннее убеждение в тексте итогового процессуального решения. «По существу, в описательной части судебного решения раскрывается мыслительная деятельность судьи, прокурора, следователя, дознавателя, которая привела их к определенному убеждению, выраженному в решении».⁴⁷ «Внутреннее убеждение судей не складывается само собой, оно

⁴⁶ Пиук А. В. Роль суда в собирании доказательств по уголовному делу на стадии предварительного расследования и при рассмотрении дела в суде первой инстанции: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Пиук А. В. — Томск, 2004. — С. 76.

⁴⁷ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законотворчество и практика. М, 2010. С. 225

вырабатывается в результате внимательного изучения и тщательной оценки всех материалов дела».⁴⁸

Согласно И. Б. Михайловской, приговор суда является обоснованным, если: 1) выводы суда подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании; 2) при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, в приговоре указано, по каким основаниям суд принял одни из этих доказательств и отверг другие; 3) выводы суда, изложенные в приговоре, непротиворечивы и согласуются друг с другом; 4) в приговоре учтены все обстоятельства, которые могли существенно повлиять на выводы суда.⁴⁹

Руководство состязанием сторон в ходе производства по уголовному делу судом первой инстанции включает в себя следующие элементы: разъяснение прав и обязанностей и обеспечение последующей их реализации всеми участниками судебного разбирательства; обеспечение порядка в зале судебного заседания; руководство процедурой проведения следственных действий; разрешение заявленных сторонами ходатайств.⁵⁰

Выполняя указанные функции, суд не осуществляет доказывание по своей инициативе, а лишь его направляет, в том числе, и ход судебного следствия, однако, данная деятельность обуславливает прирост доказательственной базы с помощью инициативы сторон, что в конечном итоге, позволяет выполнить суду его главную процессуальную функцию — разрешить уголовное дело, выполнив и главную доказательственную обязанность по оценке представленных доказательств.

⁴⁸ Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом I инстанции С.169 Доказывание в уголовном процессе. Учебно- методические материалы Красноярского государственного университета. Красноярск, 1998. Составитель Барабаш А. С.

⁴⁹ Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе М., 2006. С. 181.

⁵⁰ Соколовская Н. С. Роль суда в состязании сторон по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н. С. Соколовская — Томск, 2005. С. 126

Наиболее горячие споры вызывает, уже ставший традиционным для современной отечественной доктрины уголовного процесса, вопрос о возможности собирания судом доказательств по своей инициативе. Согласно мнению одних правоведов, даже вспомогательная, субсидиарная активность суда в ходе процесса, направленная на оценку и проверку представленных сторонами доказательств, нарушает принцип состязательности уголовного процесса и ведет к нарушению прав, прежде всего, подсудимого. Так, согласно мнению Е. А. Карякина: «Именно прокурор-обвинитель должен доказать суду, что обвинением установлена истина и это подтверждается определенными доказательствами — в противном случае подсудимый должен быть оправдан. При неумении или невозможности доказать истинность обвинительного тезиса суд не должен приходить ему на помощь, так как в этом случае возложит на себя функцию обвинения. Отсюда можно сделать вывод, что пассивность суда есть необходимый атрибут состязательности в уголовном процессе, причем пассивность проявляется лишь в исследовании доказательств, а не руководстве ходом судебного разбирательства».⁵¹ Сходную точку зрения выразил и М. Адамайtis: «Если абстрагироваться от глубоких научных обоснований, то нетрудно понять, что собирание и исследование судом по собственной инициативе доказательств есть ни что иное, как оказание помощи одной из сторон в подтверждении приведенных ею доводов либо помощь также одной из сторон в опровержении доводов ее процессуального оппонента. Вне сомнения, чем активнее суд будет проявлять инициативу в собирании и исследовании доказательств, тем сложнее ему будет пребывать в роли беспристрастного арбитра».⁵² Более того, по мнению А.О. Машовец вмешательство судьи в ход судебного следствия оправдано в случаях нарушения участниками процесса правовых норм

⁵¹ Карякин Е. А. Проблемы процессуального доказывания в российском уголовном судопроизводстве на основе принципа состязательности: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Карякин Е. А. - Оренбург, 2002. — С. 103.

⁵² Адамайtis М. Право суда на инициативу в исследовании доказательств мешает его беспристрастности // Российская юстиция. 2003. № 11 С. 32

или норм судебной этики, а председательствующий должен исходить в своих выводах из того, что представили ему стороны в качестве своих доказательств.⁵³

Достаточно распространенной в науке уголовного процесса является и другая позиция, полностью противоположная концепции пассивного в доказывании суда. Н. А. Лукичев отмечает, что пассивность суда не позволяет реализовать назначение уголовного судопроизводства. «Состязательность в уголовном судопроизводстве — не самоцель. Она важна и необходима для того, чтобы судебная власть карала только действительно виновных в совершении преступлений и брала под свою защиту их жертв, потерпевших. Пассивный суд обеспечить это не может, а активность суда позволит достичь большего баланса гарантий прав личности и меры по усилению борьбы с преступностью».⁵⁴

Третья, самая многочисленная группа авторов, придерживается позиции, что более всего отвечает назначению суда в ходе уголовного судопроизводства его ограниченная (субсидиарная) активность в процессе собирания доказательств. По мнению А. В. Смирнова на суде лежит прежде всего бремя разбирательства дела, заключающееся в создании сторонам равных условий для отстаивания ими своих позиций. Однако автор допускает и собственную инициативу суда в проведении следственных действий: «Если стороны были поставлены ходом производства в неравные или несправедливые условия, грозящие одной из них неблагоприятным исходом дела, а усилий стороны явно недостаточно, чтобы самостоятельно исправить положение, суд не должен дать процессу самостоятельно прекратиться, а обязан восстановить равновесие сторон с тем, чтобы дело было доведено до логического конца. Для этого допустима, как представляется, определенная субсидиарная активность суда в выяснении истины по делу, в том числе проведение им

⁵³ Машовец А. О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты М. 2016. С. 161

⁵⁴ Лукичев Н. А. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Лукичев Н. А. — Саратов, 2003. — С. 140

следственных действий. Такая субсидиарная активность нацелена на восстановление равновесия, или фактического равенства сторон».⁵⁵

Критерии доказательственной активности суда, не нарушающей принцип состязательности уголовного процесса, сформулированы, в том числе и в ряде решений Конституционного Суда РФ, согласно которым суд в рамках предъявленного подсудимому обвинения вправе по собственной инициативе собирать доказательства помимо тех, что представлены сторонами в целях подтверждения или опровержения доказательства, проверяемого судом: «В соответствии с законом в ходе судебного следствия устанавливаются не только обстоятельства, подтверждающие доказанность обвинения, но также и обстоятельства, смягчающие вину подсудимого или оправдывающие его, а равно иные обстоятельства, необходимые для справедливого и беспристрастного разрешения уголовного дела по существу. Следовательно, собирание доказательств не только является прерогативой сторон, но и входит в число полномочий суда, реализуемых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством для производства судебного следствия».⁵⁶ В дальнейшем данная правовая линия Конституционного Суда получила в развитие в целом ряде судебных актов, общий посыл которых заключается в том, что без реализации судом проверочной доказательственной активности, в рамках предъявленного подсудимому обвинения, суд будет ограничен в реализации своей арбитражной функции.⁵⁷

Л. А. Воскобитова, сформулировала идею о балансе задачи познания истины в ходе производства по делу и соблюдения принципа состязательности в до-

⁵⁵ Смирнов А. В. Состязательный процесс СПб., 2001. С. 242

⁵⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2003 г. N 451-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Веккера Сергея Вадимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 283 и 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Доступ из СПС «Гарант» Дата обращения 25.09.2020

⁵⁷ Определения Конституционного Суда от 15 июля 2008 года N 442-О-О; от 21 декабря 2011 года N 1700-О-О; от 24 сентября 2012 г. № 1631-О Доступ из СПС Консультант+ Дата обращения 29.09.2020

казательственной активности суда: «В тех случаях, когда в силу обстоятельств конкретного дела органы, осуществляющие дознание, имеют объективную возможность познать все юридически значимые обстоятельства дела в соответствии с действительностью, они, бесспорно должны стремиться к такому результату. Однако в тех случаях, когда бесспорное, точное познание обстоятельств дела невозможно по объективным причинам, а все процессуальные средства и возможности исчерпаны, уголовное дело должно быть разрешено на основе тех данных, которые получены в ходе исследования». Ею также указывается на допустимую степень активности суда в состязательном уголовном процессе: 1) непосредственное исследование судом всех доказательств, представленных сторонами; выявление тех обстоятельств и доказательств, которые вызывают сомнение; 2) создание сторонам условий для устранения выявленных в судебном заседании противоречий или восполнения пробелов. 3) проведение проверочных следственных действий по собственной инициативе, если после доказывания, осуществленного сторонами, у суда остались невыясненные сомнения или не устраненные противоречия, которые не позволяют ему принять окончательное решение; 4) создание сторонам условий для устранения выявленных противоречий или восполнения пробелов; 5) проведение проверочных следственных действий по собственной инициативе, если после доказывания, осуществленного сторонами, у суда остались невыясненные сомнения или не устраненные противоречия, которые не позволяют ему принять окончательное решение.⁵⁸ Точка зрения о том, что суд по собственной инициативе может проводить собирание новых доказательств в рамках проверочной деятельности, является доминирующей в науке отечественного уголовного процесса. П. К. Барабанов указывает: «Суд, лишенный возможности проверить достоверность представляемых сторонами

⁵⁸ Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: дисс. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 // Л. А. Воскобитова — М. 2004. — С. 306–352; Воскобитова Л. А. Познавательная деятельность суда в уголовном судопроизводстве // Lex Russica. 2005. № 1. С. 102.

сведений, в том числе путем получения иных доказательств, не сможет достигнуть целей уголовного процесса».⁵⁹

Наукой предпринимаются попытки найти оптимальные пределы осуществления судом сбора доказательственного материала по своей инициативе. А. А. Плашевская формулирует их следующим образом: «Думается, что в уголовном судопроизводстве, основанном на принципе состязательности, деятельность суда в рамках собирания доказательств должна быть ограничена четырьмя основными направлениями: во-первых, опосредованным собиранием доказательств, путем разрешения ходатайств сторон, направленных на получение нового доказательственного материала; во-вторых, процессуальным воздействием суда на стороны с целью побудить последние добрать недостающий материал; в-третьих, созданием судом организационно-процессуальных условий и оказанием процессуальной помощи сторонам для того, чтобы обеспечить реальные условия реализации их права на состязание с помощью собранных доказательств; в-четвертых, собиранием судом доказательств непосредственными способами, но исключительно в целях проверки доказательств, имеющих в деле».⁶⁰

Следственные действия, проводимые в рамках рассмотрения дела в суде первой инстанции, в зависимости от инициатора их проведения можно условно разделить на три группы: 1) проводимые по инициативе сторон; 2) проводимые по инициативе сторон и суда; 3) проводимые исключительно по инициативе суда. Однако, как отмечает А. А. Ларинков, в отношении целого ряда судебных действий, имеющих своей целью выяснение обстоятельств совершения преступления, таких как осмотр местности и помещения (ст. 287 УПК), следственный эксперимент (ст. 288 УПК РФ), предъявление для опознания (ст. 289 УПК РФ),

⁵⁹ Барабанов П. К. Пределы участия суда первой инстанции в доказывании // Уголовный процесс 2006. № 5. С. 40.

⁶⁰ Плашевская А. А. Собирание доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Плашевская А. А. — Томск, 2006. С. 32

освидетельствование (ст. 290 УПК РФ), уголовно-процессуальный закон не содержит указаний на инициаторов, что, по мнению данного автора, не дает оснований для того, чтобы лишить суд этого права, поскольку все перечисленные действия направлены, прежде всего, на проверку имеющихся в деле или представленных сторонами доказательств.⁶¹

Представляется, что, исходя из арбитражной роли суда в состязательном судебном следствии, ему для выполнения обязанности правильного разрешения уголовного дела должно быть предоставлено право сбора доказательственной информации по своей инициативе, с целью проверки представленных сторонами сведений путем проведения любого следственного действия (предусмотренного УПК в рамках судебного следствия). Реализация данной позиции, совпадающей, как представляется, с позицией, выраженной Конституционным Судом РФ, в нормах УПК будет полностью соответствовать духу состязательного правосудия. Автор разделяет позицию Л. А. Воскобитовой: «Природа судебно-властных отношений ни в коей мере не препятствует суду в производстве по собственной инициативе процессуальных действий, которые необходимые ему для проверки достоверности представляемой информации».⁶²

В настоящем параграфе также целесообразно затронуть и вопрос о специфике обязанности доказывания суда при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного производства при согласии подсудимого с предъявленным обвинением (далее по тексту — «особый порядок»), ввиду тенденций судебной практики, согласно которым, предполагавшийся законодателем как исключительный, особый порядок, в реальности, пока конкурирует по общей доле рассмотренных

⁶¹ Ларинков А. А. Конституционный принцип состязательности и роль суда в доказывании обстоятельств по уголовному делу// Криминалист 2013. № 2. С. 68.

⁶² Воскобитова Л. А. Теоретические основы судебной власти М., 2017. С. 208

уголовных дел с общим даже с учетом внесения изменений в УПК, ограничивающих возможность использования данной процедуры.⁶³

Ввиду отсутствия, в соответствии с ч. 5 ст. 316 УПК, требования о производстве судебного разбирательства с производством в судебном заседании оценки и проверки доказательств, подтверждающих виновность подсудимого, некоторые авторы полагают, что она при особом порядке судебного производства остается недоказанной, и ввиду наличия законодательной обязанности доказать ее стороной обвинения, имеет место нарушение действия принципов презумпции невиновности и состязательности уголовного процесса. Так, по мнению Л. Г. Татьяниной: «Раз отсутствует процесс доказывания, а решение базируется на признании вины подсудимым говорить о действии презумпции невиновности можно лишь условно. Отсутствие доказывания не предполагает реализацию состязательности сторон, так как выясняется только мнение сторон о возможности применения особого порядка. Суд зависит от позиции обвиняемого, потерпевшего и государственного обвинителя. Суд зависит от их позиции даже если у него возникают сомнения в виновности лица».⁶⁴ В этом же ключе высказывается и Ю. В. Деришев: «В конечном счете, обвинительный приговор по уголовным делам данной категории дел не устанавливает вины лица в совершении преступления. Это, в свою очередь, не позволяет говорить о реализации принципа презумпции невиновности, поскольку остаются неразрешенными сомнения в причастности гражданина в инкриминируемом деянии».⁶⁵

⁶³ Федеральный закон от 20.07.2020 N 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 01.11.2021

⁶⁴ Татьяна Л. Г. Некоторые вопросы уголовно-процессуального доказывания по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке судебного разбирательства // Вестник ОГУ. 2004. № 3. С. 38.

⁶⁵ Деришев Ю. В., Мурашкин И. Ю. Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. М., 2016. С. 37

Между тем, более правильной представляется версия, согласно которой виновность подсудимого, несмотря на отсутствие полного судебного следствия в особом порядке, все-таки подлежит доказыванию. Согласно ч. 3 ст. 316 УПК обвинитель обязан изложить предъявленное обвинение, что само по себе представляется началом процесса доказывания в форме частичной оценки доказательств. Но означает ли это, что отсутствие таких элементов доказывания как проверка и представление доказательств прокурором будет означать недоказанность обвинения и нарушение принципов презумпции невиновности и состязательности сторон? Представляется, что нет, поскольку, как верно отмечает А. Г. Смолин, неотъемлемой составляющей принципа состязательности является возможность ее диспозитивного использования участниками уголовного судопроизводства.⁶⁶ А. Ю. Астафьев, верно, указывает на то, что согласие подсудимого с предъявленным ему обвинением означает согласие с указанными в обвинительном заключении (обвинительном акте или постановлении): фактическими обстоятельствами совершенного преступления; его уголовно-правовой оценкой; размером вреда, причиненного преступлением и т. д. Особый порядок судебного разбирательства возможен только при сформировавшемся внутреннем убеждении судьи в том, что обвинение, с которым согласился обвиняемый, подтверждается доказательствами, собранными в ходе предварительного расследования по уголовному делу.⁶⁷ Как указывает О. В. Качалова, ускоренное производство, в основе которого лежит отказ от полноценного доказывания, не отменяет презумпции невиновности в целом, но существенно сокращает и упрощает условия, при которых лицо может быть признано виновным в совершении преступления. Суд не освобождается от обя-

⁶⁶ Смолин А. Г. Особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК: проблемы нормативного регулирования и дальнейшего развития: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Смолин. А. Г. — Нижний Новгород, 2005. С. 97.

⁶⁷ Астафьев А. Ю. К вопросу о совершенствовании процедуры рассмотрения уголовных дел в особом порядке // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства. Материалы международной научно-практической конференции: Отв. ред. А. А. Протасевич. С. 72

занности доказывания, ограничивается лишь способ ее реализации в виде проверки доказательств в условиях их непосредственного исследования в судебном заседании. Это не позволяет говорить, что особый порядок нарушает принцип действия презумпции невиновности.⁶⁸

Таким образом, на суд первой инстанции возлагается обязанность оценки представленных сторонами, а также собранных, в ряде случаев самостоятельно, доказательств для вынесения законного, справедливого и обоснованного приговора.

⁶⁸ Качалова О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дисс. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Качалова О. В. — М., 2016. С. 76

ГЛАВА 2. ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

§1. Распределение бремени доказывания в суде первой инстанции в рамках судебного контроля при проведении предварительного расследования

Несмотря на то, что состязательное начало отечественного уголовного судопроизводства, в полной мере, проявляется лишь при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции по существу, участие суда в целом ряде процедур и на стадии предварительного расследования актуализирует проблематику распределения бремени доказывания. Основной формой осуществления судопроизводства в ходе предварительного расследования является реализация процедур судебного контроля. Как верно, указывают Н. Н. Ковтун и Р. В. Ярцев судебный контроль объективно связан с разрешением спора сторон о праве на ограничение конституционных прав личности, то есть является спором о наличии достаточных фактических и правовых оснований для этого, оценить и проверить которые есть конституционная обязанность суда.⁶⁹ При этом основная активность в установлении юридически значимых обстоятельств, составляющих предмет доказывания при осуществлении судебного контроля, как и при рассмотрении уголовного дела по существу, возлагается на иных участников уголовного судопроизводства — в соответствии с их процессуальными функциями. Для ряда из них осуществление доказывания будет являться юридической обязанностью, для других — объективной необходимостью.

⁶⁹ Ковтун Н. Н. Ярцев Р. В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство России Нижний Новгород, 2008. С. 5

В ходе предварительного расследования основными видами судебного контроля являются процедуры по избранию и продлению мер пресечения, рассмотрение жалоб в порядке, предусмотренном ст.125 УПК, а также санкционирование следственных и иных процессуальных действий.

С одной стороны, процедуры, связанные с реализацией судебного контроля, существенно отличаются от таковых при осуществлении правосудия судом первой инстанции при рассмотрении уголовного дела по существу, с другой — основные принципы уголовного судопроизводства, хоть и имеют некоторую специфику (главным образом, связанную с необходимостью достижения баланса частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве), полностью не прекращают свое действие даже с учетом уникальной специфики каждого отдельного промежуточного производства.⁷⁰ Данный тезис, в полной мере, относится и к основным принципам-регуляторам распределения бремени доказывания — состязательности и действия презумп-

⁷⁰ Абз. 4 п. 2.2. Постановления Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 N 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 22.08.2021; абз. 2 п. 3.1 Определения Конституционного Суда РФ от 14 января 2020 г. № 5-О по жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 125 и частью четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 22.08.2021; абз. 2 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 26 мая 2016 г. № 977-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хруника Александра Юлиановича на нарушение его конституционных прав частями первой и девятой статьи 115, частями третьей, четвертой и пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 22.08.2021

ции невиновности, на что, кроме Конституционного Суда РФ, указывал также и Верховный Суд РФ.⁷¹

По мнению В. И. Безрядина, к состязательным чертам судебно-контрольных производств относятся: 1) сохранение инициативы в осуществлении контрольно-проверочной деятельности в руках сторон и «подключение» суда к предварительному производству по уголовному делу только на основании инициативного обращения одной из них; 2) наличие участников судопроизводства с самостоятельным интересом; 3) равенство процессуальных прав на заявление ходатайств, предоставление доказательств, участие в их исследовании, доведение до суда собственной позиции по рассматриваемому вопросу и обжалование завершающего (итогового) судебного решения.⁷² Вполне очевидно, что выраженность состязательности судебной процедуры, а значит и степень реализации ее участниками бремени доказывания, дифференцирована в зависимости от особенностей каждого конкретного производства с учетом их уникальной специфики.

Наибольшие гарантии на реализацию в судебном заседании принципов состязательности и действия презумпции невиновности, ввиду потенциально наиболее существенного ограничения прав, свобод и законных интересов личности, предоставляются стороне защиты в рамках судебной процедуры по избранию (продлению) мер пресечения.

⁷¹ Абз. 1 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 N 1 (ред. от 29.11.2016) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 24.08.2021; абз. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 24.08.2021;

⁷² Безрядин В. И. Контроль и надзор в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Санкт-Петербург, 2019. С. 123

Наименьшим образом состязательные механизмы задействованы при судебном контроле за совершением следственных и иных процессуальных действий. Между тем и здесь имеются процедурные отличия в части различного субъектного состава производств в рамках ч. 1-4 ст. 125 УПК и ч. 5 ст. 125 УПК. Можно согласиться с С. Б. Россинским и О. Добровляниной, которые указывают, что отсутствие представителей стороны защиты, а, следовательно, двухсторонний состав правоотношений процедуры предварительного санкционирования следственного (процессуального) действия не позволяет, даже в ограниченной мере, говорить о ее состязательном характере.

Таким образом, распределение бремени доказывания в каждом судебном-контрольном производстве имеет свои особенности, отличные от таковых при рассмотрении и разрешении уголовного дела, по существу. Такое положение вещей частично обусловлено либо уникальным началом процедуры (инициация производства стороной защиты в случаях, предусмотренных ст. 125 УПК); либо субъектным составом участников правоотношений в сфере доказывания (отсутствие стороны защиты при предварительном санкционировании судом процессуального действия); либо сложным и многоуровневым предметом доказывания, который устанавливается не только нормами УПК, но и правовыми позициями Конституционного и Верховного Судов РФ.

Несмотря на перечисленные выше обстоятельства, можно констатировать, что наиболее унифицированной, при осуществлении всех видов судебного контроля, является деятельность по реализации бремени доказывания именно судом, который по итогам каждого судебного-контрольного производства, вне зависимости от его вида и субъектного состава участников, обязан вынести законное, обоснованное и мотивированное решение. На это обстоятельство неоднократно указывал

Конституционный Суд РФ.⁷³ Представляется, что данная деятельность невозможна без реализации обязанности по собиранию, проверке и оценке доказательств. Об этом свидетельствуют и правовые позиции Верховного Суда РФ, конкретизирующие процедуры судебно-контрольных производств. Так, при рассмотрении жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК, судья истребует по ходатайству лиц, участвующих в судебном заседании, или по собственной инициативе материалы, послужившие основанием для решения или действия должностного лица, а также иные данные, необходимые для проверки доводов жалобы. Результаты исследования отражаются в протоколе судебного заседания, копии таких материалов хра-

⁷³ Абз. 3 п. 2.1 Определения Конституционного Суда РФ от 24.06.2021 г № 1310-О/2021 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чогина Фиделя Павловича на нарушение его конституционных прав статьями 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 286 Уголовного кодекса Российской Федерации» Дата обращения 25.08.2021 Доступ из СПС «Консультант+»; абз. 2 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 29.10.2020 № 2556-О/2020 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Садыкова Марата Фаритовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125, частью первой статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также положением пункта 20 Инструкции об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 25.08.2021; абз. 5 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2069-О/2020 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карамзина Кантемира Феликсовича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 39, частью четвертой статьи 108, частью восьмой статьи 109, частью первой статьи 125 и статьями 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 25.08.2021; абз. 2 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 29.05.2018 № 1340-О/2018 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Якупова Алексея Файзулловича на нарушение его конституционных прав статьями 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 25.08.2021; абз. 2 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 29.05.2012 № 1015-О/2012 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Колесина Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав частью восьмой статьи 106 и частью седьмой1 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 25. 08.2021 и др.

няться в производстве по жалобе.⁷⁴ При разрешении ходатайства о производстве следственного действия в порядке, предусмотренном ст. 165 УПК, судья обязан в каждом случае наряду с проверкой соблюдения требований уголовно-процессуального закона, предъявляемых к порядку возбуждения ходатайства, проверить наличие фактических обстоятельств, служащих основанием для производства указанного в ходатайстве следственного действия. Для этого суд исследует представленные материалы, заслушивает выступления явившихся лиц, мнение прокурора, участвующего в судебном заседании, после чего удаляется в совещательную комнату для вынесения постановления.⁷⁵ При решении вопроса об избрании меры пресечения Верховный Суд РФ предписывает судам производить проверку наличия ряда обстоятельств, которые, в числе других, образуют предмет доказывания в данном производстве: обоснованность подозрения в совершении преступления; обстоятельства, предусмотренные ст. 97, 99 УПК и другие.⁷⁶

При этом даже в случае отсутствия при осуществлении судебно-контрольной процедуры обвиняемого/подозреваемого (его защитника) суд не освобождается от обязанности проверить при помощи представленных доказательств и других материалов законность и обоснованность ходатайства следователя.⁷⁷ Соглашаясь

⁷⁴ Абз. 2 п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 N 1 (ред. от 29.11.2016) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». (далее по тексту — «Постановление Пленума № 1») Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 25.08.2021

⁷⁵ П. 12, абз. 1 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 N 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 25.08.2021

⁷⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 25.08.2021

⁷⁷ Никифорова Х. П. К вопросу о судебном контроле законности и обоснованности производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3 (178). С. 123

с приведенной позицией, следует продолжить данную мысль и констатировать, что суд не освобождается от обязанности доказывания даже в случае отсутствия всех потенциальных участников судебного-контрольного производства. Конечным этапом реализации данной обязанности, как и при других видах судопроизводства, является итоговая оценка представленных материалов, и ее выражение в мотивировочной части судебного решения.

Несмотря на то, что анализ правовых позиций высших судов РФ, по мнению автора, свидетельствует о том, суд при осуществлении большинства судебного-контрольных производств несет обязанность оценки, проверки и собирания доказательств, возможность реализации судом именно обязанности собирания доказательств, закономерно, вызывает наибольшие теоретические и практические затруднения. Так, концептуально допуская и, более того, ориентируя суды на собирание недостающего для вынесения законного, обоснованного и мотивированного решения материала, Верховный Суд не конкретизирует, во-первых, допустимые виды получаемых сведений, во-вторых, возможность проведения отдельных следственных действий, в том числе, таких как допрос свидетелей и потерпевшего.⁷⁸ Между тем, представляется, что поскольку законодатель прямо не ограничивает формы реализации обязанности доказывания судом и иными участниками судебного-контрольных производств, а Конституционный и Верховный Суды РФ подчеркивают сохранение при их осуществлении, пусть и в несколько ограниченном виде, основных принципов уголовного процесса, то можно условно допустить возможность проведения всех следственных действий и получение всех видов доказательств. Разумеется, она, в любом случае, не позволит суду реализовать свою обязанность доказывания в той же степени, в которой это имеет место при рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу, ввиду целого ряда причин, обусловленных необходимостью защиты как частных, так и публич-

⁷⁸ Кириллова Н. П. Проблемы компетенции суда при рассмотрении ходатайства следователя о заключении под стражу // Уголовная юстиция. 2015. № 2 С. 24

ных интересов. Проведение многочисленных следственных действий невозможно без выполнения, в ряде случаев, относительно длительных (по меркам задач судебно-контрольных производств) организационных процедур. Данное обстоятельство, может в зависимости от конкретного вида судебно-контрольного производства, неоправданно, в контексте достижения целей уголовного процесса, нарушить интересы подозреваемого (обвиняемого) и лиц, обращающихся с жалобами в порядке ст. 125 УПК, а также оспаривающих порядок и результаты процессуальных действий (ст. 165 УПК). Между тем, Конституционный Суд РФ неоднократно выражал позицию о необходимости достижения баланса частных и публичных интересов при осуществлении уголовного судопроизводства⁷⁹, что не представляется возможным без соблюдения требования срочности уголовно-процессуальных процедур.⁸⁰ В связи с этим, выглядит вполне оправданным то обстоятельство, что применительно к порядку проведения судебно-контрольных процедур законодатель допускает лишь одно исключение, связанное с возможностью отложения судебного разбирательства — п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК, предусматривающий возможность предоставить сторонам дополнительные доказательства в срок не более 72 часов.

Таким образом, представляется, что обязанность доказывания суда в рамках осуществления судебно-контрольных производств по собиранию, проверке и оценке доказательств, в общем виде, не отличается от таковой при осуществле-

⁷⁹ Евстигнеева О. В. О балансе частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве как необходимой составляющей принципа справедливости // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве. Материалы всероссийской научно-практической конференции 20–21 марта 2015 года. Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»; Международная ассоциация содействия правосудию. 2016. С. 92–102

⁸⁰ Калиновский К. Б. Быстрота (срочность) уголовного судопроизводства — есть принцип уголовно-процессуального права // Материалы международной научно-практической конференции «Состояние и перспективы развития правовой науки», посвященной 75-летию Удмуртского государственного университета, Ижевск, 30–31 марта 2006 года. Ижевск, 2006. URL: <https://www.iuaj.net/node/838> Дата обращения 26.08.2021

нии рассмотрения и разрешения уголовного дела, по существу. Отличия же обусловлены не столько чисто концептуальными соображениями, сколько особенностями предмета доказывания, а также задачами, стоящими перед судом в рамках реализации судебного контроля на стадии предварительного расследования.

Если доказательственная деятельность суда, несмотря на определенную специфику каждого судебно-контрольного судопроизводства, в целом, подчиняется единой логике, то деятельность прочих участников уголовного судопроизводства и режим бремени доказывания, который распространяется на их процессуальную активность, различается намного более существенно. Такое положение вещей обусловлено следующими главными обстоятельствами 1) различием состава участников каждого вида судебно-контрольного производства и их ролей в его инициации; 2) различием предмета доказывания; 3) различием необходимых пределов и стандартов доказанности юридически значимых обстоятельств.

Наиболее широким и стабильным кругом участников доказывания отличается процедура избрания меры пресечения в отношении обвиняемого (подозреваемого) в судебном порядке в соответствии со ст. 108 УПК, субъектами которого кроме суда, по общему правилу являются прокурор, следователь (дознаватель), обвиняемый (подозреваемый) и его защитник. Это обуславливает и наиболее выраженные состязательные начала данной процедуры, а значит и активизирует механизмы распределения бремени доказывания. В свою очередь, потенциальное отсутствие всех участников уголовного судопроизводства, кроме суда, при принятии решения о санкционировании следственного (процессуального) действия, ставит данную процедуру на противоположный «полюс».

Судебно-контрольная процедура избрания меры пресечения также характеризуется и наиболее сложным, многоуровневым предметом доказывания. Несмотря на то, что конечной целью представителей стороны обвинения является успешная реализация бремени доказывания наличия основания (оснований) для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или залога

(ст. 97 УПК), доказыванию в обязательном порядке подлежат и другие обстоятельства, такие как обоснованность обвинения (подозрения), данные о личности, невозможность избрания более мягкой меры пресечения, соблюдение законности процедуры задержания и ряд других. Кроме того, предмет доказывания, будет варьироваться в зависимости от конкретного основания, на которое ссылается сторона обвинения. В ряде случаев, с учетом уникальности правовой и фактической специфики каждой отдельной меры пресечения, предмет доказывания подлежит расширению (усечению). Так, при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста предмет доказывания дополняется такими обстоятельствами как наличие у обвиняемого постоянного места жительства, а также возможность организовать постоянный надзор за лицом, подвергнутым домашнему аресту.⁸¹ В свою очередь, выбор в качестве потенциальной меры пресечения домашнего ареста, а не заключения под стражу автоматически исключает из предмета доказывания ряд юридически значимых обстоятельств, например, возможность (невозможность) находиться под стражей по состоянию здоровья.⁸²

Анализ проблематики правоотношений по распределению бремени доказывания при избрании мер пресечения, как и при исследовании других итоговых и промежуточных уголовно-процессуальных производств, сводится к двум основным аспектам: 1) распределение бремени доказывания между сторонами 2) распределение бремени доказывания между участниками доказывания, представляющими одну из сторон конкретного производства.

⁸¹ Рябков Е. М. К вопросу о сложности процедуры и реальности домашнего ареста как меры пресечения Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48) С.213; Рогава И. Г. Махмудова Ф. С. Актуальные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 1–2. С. 174

⁸² Постановление Правительства РФ от 14.01.2011 N 3 (ред. от 04.09.2012) «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» (вместе с «Правилами медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений») Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 08.09.2021

Согласно ч. 3 ст. 108 УПК при необходимости избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом соответствующее ходатайство. В постановлении о возбуждении ходатайства излагаются мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу и невозможно избрание иной меры пресечения. К постановлению прилагаются материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства. В свою очередь, ч. 2 ст. 105.1, ч. 3 ст. 107 и ч. 3 ст. 106 предусматривают аналогичный ст. 108 УПК порядок применения запрета определенных действий, домашнего ареста и залога в качестве мер пресечения.

Таким образом, и с теоретической, и с формально-логической точек зрения, очевидно, что первоначально бремя доказывания оснований (условий) для применения всех мер пресечения, применяемых по решению суда, возлагается на сторону обвинения. Тем не менее, в литературе отмечается, что в ряде случаев возможен переход бремени доказывания некоторых юридически значимых обстоятельств на сторону защиты. Так, Ю. В. Царева указывает на необходимость следователя (дознателя) выяснить факт допуска имущества, вносимого в обеспечение залога в гражданский оборот и обязанность залогодателя предъявить следователю (дознателю) сведения в подтверждение фактов владения им ценными бумагами и отсутствия на них ограничений, а также сведения, содержащиеся в ЕГРЮЛ.⁸³ Об этом же пишет и П. А. Луценко: «Залогодатель обязан, если от него это потребует суд, доказать законность происхождения предмета залога, равно как и отсутствие правовых обременений у залогового имущества».⁸⁴

Следует признать, что, с концептуальной точки зрения, вопрос о возможности перемещения бремени доказывания ряда имеющих юридическое значение

⁸³ Царева Ю. В. Залог как мера пресечения в уголовном процессе России М., 2020. С. 163

⁸⁴ Луценко П. А. Судебный контроль в досудебном производстве по уголовным делам: проблемы теории и практики: Воронеж, 2008. С. 72

обстоятельств на обвиняемого (подозреваемого) сложно считать разрешенным до конца. Если общая обязанность доказывания оснований (условий) для избрания мер пресечения в судебном порядке однозначно возлагается на сторону обвинения — как в силу прямого предписания УПК, так и существующей на международно-правовом уровне так называемой «презумпции освобождения», то проблематика возложения на обвиняемого (подозреваемого) так называемого «специального» бремени доказывания пока не имеет однозначного разрешения. Очевидно, что обвиняемый (подозреваемый) имеет объективную необходимость доказывания обстоятельств, которые свидетельствуют о возможности применения к нему меры пресечения более мягкой, чем заключение под стражу. Ведь именно данный участник производства несет потенциальные негативные последствия их недоказанности в виде возбуждения нового ходатайства об избрании более строгой меры пресечения. Между тем, представляется, что говорить именно о юридической обязанности доказывания обвиняемого (подозреваемого) каких-либо обстоятельств в ходе промежуточных производств не имеется достаточных оснований. Расширительное толкование ч. 2 ст. 14 УПК и распространение ее действия не только на доказывание виновности обвиняемого (подозреваемого), но и других юридически значимых фактов, логическим образом возвращает к положению той же нормы о возложении обязанности опровержения доводов, приводимых в защиту обвиняемого (подозреваемого) на сторону обвинения. Гипотетически, недостаточную активность сторон при недоказанности того или иного юридически значимого обстоятельства мог бы взять на себя суд. Однако, по мнению автора, в случае, если и сторона обвинения, и сторона защиты не представили в обоснование своих доводов никаких доказательств и даже не указали их возможное место нахождения, то суд не имеет право самостоятельно заниматься их собиранием — ввиду неизбежного перерастания данной активности из субсидиарной в основную. Такое положение вещей неминуемо влекло бы за собой нарушение ч. 2, 3 ст. 15 УПК.

Кроме проблематики распределения бремени доказывания между стороной обвинения и стороной защиты, обладающим перспективой научного анализа является и вопрос доказательственных правоотношений между участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Особую актуальность он приобретает имеет при анализе правоотношений между прокурором с одной стороны и следователем (руководителем следственного органа) с другой — в контексте сохранения за должностными лицами прокуратуры лишь функции надзора за следствием и утратой прокуратурой функции оперативного управления деятельностью следственных подразделений. Вполне исчерпывающе и точно соотношение ролей следователя и прокурора в процессе рассмотрения ходатайства стороны обвинения об избрании меры пресечения в отношении обвиняемого (подозреваемого) описывает Е. Ю. Алонцева: «Прокурор не дает согласие следователю при обращении последнего в суд для производства следственных действий, подобное согласие выражает руководитель следственного органа в данной ситуации. Тем не менее, это не означает, что прокурор не может выразить свою позицию в суде и сообщить ее суду, усиливая своими доводами. Участие прокурора в судебном заседании вовсе не означает, что он будет поддерживать решение следователя. Его задача определить наличие оснований для их производства, достаточность доказательств, представленных в суд следователем в обоснование своего ходатайства, и необходимость его производства. Подобный вывод подтвержден и результатами изучения судебной практики».⁸⁵ И если при поддержании ходатайства следователя (дознавателя) данные участники уголовного судопроизводства, как представляется, несут солидарную обязанность доказывания, то вопрос о надлежащем режиме доказывания в случае несогласия с ходатайством следователя выглядит менее очевидным. Отмечая обязанность прокурора обосновать свою позицию,

⁸⁵ Алонцева Е. Ю. Перспективы прокурорского надзора и судебного контроля за законностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 105

О. В. Химичева и Ю. Б. Плоткина справедливо указывают на то, что в УПК ничего не говорится о праве прокурора и следователя на ознакомление с материалами, представленными стороной защиты в обоснование своей позиции.⁸⁶ Таким образом, учитывая, что прокурор самостоятельно не осуществляет собирание доказательств по уголовным делам, данный участник процесса, в ходе осуществления судебного контроля, фактически ограничен и в полноценной реализации такого элемента бремени доказывания как оценка доказательств. Представляется, что ввиду действия презумпции освобождения обвиняемого (подозреваемого) из-под стражи, недостаточная обоснованность позиции прокурора в пользу применения судом меры пресечения не влечет нарушения интересов стороны защиты ввиду толкования последствий недоказанности оснований ходатайства в ее пользу. Однако, вполне может сложиться ситуация, когда прокурор откажется выразить прямое несогласие с ходатайством следователя, даже при наличии сомнений в его обоснованности — ввиду отсутствия возможности реально заранее оценить не просто его потенциальную сомнительность, а явную необоснованность.

Критерием надлежащего исполнения бремени доказывания участниками уголовного процесса со стороны обвинения в ходе производства по избранию судом меры пресечения, как и в других итоговых и промежуточных производствах, является достижение стороной обвинения надлежащих пределов и стандарта доказывания всех юридически значимых обстоятельств. Основным дискуссионным вопросом в контексте достижения надлежащих пределов доказывания является возможность (невозможность) использования стороной обвинения результатов оперативно-розыскной деятельности (далее — «ОРД») для обоснования своего ходатайства. Если при обосновании итоговых процессуальных решений использование, не прошедших преобразование в доказательства (так называемую «легализацию») результатов ОРД не допускается исходя из системного толкования

⁸⁶ Химичева О. В. Плоткина Ю. Б. Применение в стадии предварительного расследования мер пресечения, избираемых по решению суда М. 2012. С. 111

норм УПК (ст. 73, 85, 89), то при доказывании оснований промежуточных процессуальных решений ситуация выглядит несколько сложнее. Если подходить к данному вопросу чисто с формально-юридической точки зрения, то отмеченные нормы УПК могут вызвать вопрос о том, является ли доказыванием деятельность участников уголовного процесса по обоснованию промежуточных процессуальных решений, в принципе? Несмотря на то, что, по мнению автора, правоотношения по установлению юридически значимых обстоятельств в рамках судебно-контрольных процедур являются доказыванием, а не уголовно-процессуальным познанием, не только по своей гносеологической, но и юридической сущности, прямо не противоречит УПК и обратная позиция. В рамках данной парадигмы обоснование процессуальных решений в ходе судебно-контрольных производств допустимо без учета ст. 89 УПК, поскольку доказыванием данная деятельность не является. С практической точки зрения это означает принципиальную возможность использования в процессе обоснования промежуточных процессуальных решений результатов оперативно-розыскной деятельности, не отвечающих требованиям, предъявляемым к доказательствам. Между тем, как отмечалось в параграфе 1 настоящей работы, использование вместо терминов «собрание», «проверка», «оценка» доказательств смежной правовой терминологии для описания познавательного легального процесса не влияет на отнесение (неотнесение) данного процесса к доказыванию — ввиду официального, публичного и гласного характера деятельности субъектов доказывания в суде первой инстанции.

Представляется, что другой крайностью являлся бы и полный отказ от использования результатов ОРД в ходе судебно-контрольных процедур. С учетом того, что мера пресечения избирается судом, как правило на начальных этапах предварительного расследования, требовать от следователя (дознателя) предварительной «легализации» всех результатов ОРД до направления ходатайства в суд было бы явно нерационально с точки зрения достижения цели баланса частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве.

Рациональной серединой могло бы стать допущение использования результатов ОРД при обязательной проверке в судебном заседании источника полученной информации и частичном допросе должностных лиц, проводивших ОРМ. Это позволило бы суду удаляться для вынесения решения, опираясь на оценку именно доказательств, поскольку ими становятся и проверенные надлежащим образом результаты ОРД. Отсутствие же, на настоящий момент, концептуального решения указанной проблемы ведет к использованию различных подходов судами при использовании данной информации.⁸⁷

Кроме достижения надлежащих пределов доказывания, представляющих собой, прежде всего, количественный критерий выполнения бремени доказывания участниками судебно-контрольного производства, участники доказывания должны достигнуть и надлежащих стандартов доказанности юридических фактов, образующих предмет доказывания в рамках судебно-контрольных производств. Как представляется, основной проблемой в данном контексте является ошибочное смешение понятий достоверности доказательств, используемых при обосновании судебного решения и обязанности (объективной необходимости) достоверно доказать наличие оснований (условий) процессуального решения. Так, А. А. Васяев отмечает: «Очевидно, что для установления оснований заключения под стражу следует доказательства, собранные и представленные следователем (дознавателем) исследовать в рамках судебного разбирательства. Однако, ни в одном из изученных нами дел не представлены доказательства, есть лишь предположения о существовании оснований для заключения под стражу».⁸⁸ Схожим образом высказывается и В. В. Конин: «Как показывает практика, доказательств

⁸⁷ См. Пашаева Э. Х. Результаты ОРД как средство установления локального предмета доказывания при принятии процессуального решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Алтайский юридический вестник 2019. № 4 С. 125–130

⁸⁸ Васяев А. А. Достоверные сведения при разрешении вопроса о заключении под стражу // Современное право 2010. № 6 С. 93

обстоятельств, перечисленных в ст. 97 УПК у следователя, чаще всего не имеется и доводы о наличии таких обстоятельств основаны лишь на предположениях стороны обвинения».⁸⁹ Между тем, наличие в ч. 1 ст. 97 УПК формулировки «наличие достаточных оснований полагать» уже означает, что законодатель не требует при осуществлении доказывания достижения достоверного стандарта доказанности. И это совершенно логично, поскольку, в отличие от большинства устанавливаемых в ходе уголовного судопроизводства фактов, речь идет не о ретроспективном анализе объективной действительности, а, фактически, о прогностическом познании с необходимостью, тем не менее, требовать от субъектов бремени доказывания обоснования высокой вероятности наступления обстоятельств, являющихся основаниями для избрания судом меры пресечения. Между тем, как правильно указывает А. В. Широкова: «Несмотря на предположительный характер суждений о наступлении указанных последствий принятие соответствующего решения должно основываться на конкретных, достоверных сведениях».⁹⁰ Таким образом, доказательства при осуществлении судебно-контрольных производств, как и при рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу, должны сохранять свойство достоверности. Однако, в свою очередь, говорить о выполнении бремени доказывания наличия оснований (условий) для избрания в отношении обвиняемого (подозреваемого) меры пресечения уже можно, когда они доказаны с достижением стандарта «высокая степень вероятности».

Схожий алгоритм анализа распределения бремени доказывания — через определение прямых правовых предписаний относительно порядка его распределения, предмета доказывания, а также пределов и стандарта доказанности, — целесоо-

⁸⁹ Конин В. В. Проблемные вопросы доказывания при избрании строгих мер пресечения // Адвокат 2016. С. 15

⁹⁰ Широкова А. В. Правовые основания применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики 2019. № 2. С. 58

бразно использовать и при изучении доказательственных правоотношений в других судебно-контрольных производствах.

Основными отличиями порядка судопроизводства при рассмотрении жалоб в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК и санкционировании процессуальных действий в соответствии со ст. 165 УПК от процедуры избрания судом меры пресечения, являются в первом случае возможность инициации судебного производства стороной защиты, а во втором — частичное нивелирование состязательности ввиду возможности предварительного санкционирования процессуального действия без участия стороны защиты.

Как отмечает С. В. Бурмагин: «В судебном разбирательстве, предусмотренном ст. 125 УПК орган уголовного преследования из стороны обвинения в уголовном деле, по сути, превращается в сторону, которая вынуждена защищаться от выдвинутых претензий и требований заявителей, «оправдываться» и доказывать суду законность своих действий».⁹¹ Таким образом, можно признать, что в данном случае механизм распределения бремени доказывания начинает неизбежно приобретать, хотя и отдаленно, свойства, свойственные другим процессуальным отраслям права черты. Так, по мнению А. А. Устинова: «Бремя доказывания доводов жалобы и обстоятельств, изложенных в ней, возложено на заявителя, а обязанность доказать законность и обоснованность обжалуемых решений, действий (бездействия) возложена на соответствующих должностных лиц»⁹², что, в целом, воспроизводит положения ст. 56 ГПК.

Несмотря на практически полное отсутствие регламентации доказательственного статуса участников судебно-контрольной процедуры в порядке ст. 125 УПК, ч. 4 данной нормы содержит указание на то, что заявитель, если он участвует

⁹¹ Бурмагин С. В. Метаморфозы состязательности уголовных производств по делам судебного контроля // Lex Russica 2020. № 2 С. 51

⁹² Устинов А. А. Доказывание при рассмотрении судом материалов уголовного дела в ходе досудебного производства дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Устинов А. А. — М., 2008. — С. 87

в судебном заседании, обосновывает жалобу, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица. Таким образом, на заявителя возлагается если не юридическая обязанность, то, по крайней мере, объективная необходимость выдвижения доводов и оценки юридически значимых обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Кроме того, несмотря на то, что абз. 2 п. 12 Постановления Пленума № 1 освобождает заявителей от обязанности собирания доказательств в обоснование своего обращения, очевидно, что заявитель не освобождается от объективной необходимости представлять материалы для приобщения в качестве доказательств. Данная ситуация обусловлена тем, что негативные последствия недоказанности своих доводов несет именно заявитель, а не публично-властные участники уголовного судопроизводства. Одновременно данные статистики свидетельствуют о том, что количество удовлетворенных в порядке ст. 125 УПК жалоб невелико. Статистические данные Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2018-2020 гг. свидетельствуют о том, что удовлетворено было абсолютное меньшинство жалоб.⁹³ Такая ситуация автоматически не означает, что во всех данных производствах, или даже в большинстве, из них нарушался надлежащий режим распределения бремени доказывания. Однако, несмотря на то, что суд обязан вынести законное обоснованное постановление по делу, а поэтому, с одной стороны, также должен быть заинтересован в полном и всестороннем исследовании обстоятельств производства, такие факторы как, прежде всего, высокая нагрузка на судей и отсутствие процессуального интереса, не могут, по мнению автора, в полной мере, не сказываться на степени их доказательственной активности. Выходом из данной ситуации могло бы стать возложение обязанности опровержения доводов заявителя на должностных лиц органа, вынесшего обжалуемое постановление. Такая мера позволила бы достигнуть сразу двух целей: во-первых, усиления гарантий защиты конституционных

⁹³ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> Дата обращения 21 сентября 2021 г.

прав личности в уголовном процессе, во-вторых, снижения необходимого уровня активности суда в осуществлении доказывания в данном судебном-контрольном производстве. Представляется, что смещение бремени доказывания на заявителей и суд не только создает угрозу нарушения баланса в охране частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве, но и нарушает принцип состязательности правосудия, превращая субсидиарную доказательственную активность суда в главенствующую.

Механизм распределения бремени доказывания при санкционировании следственных (процессуальных действий) в порядке ст. 165 УПК распадается, по своей процессуальной сути, на два самостоятельных производства — в рамках ч. 1-4 ст. 165 и ч. 5 ст. 165. Первое характеризуется, преимущественно, двухсторонним характером доказательственных правоотношений, второе — трехсторонним.

Между тем, как справедливо отмечается в научной литературе действующая редакция ч. 3 ст. 165 УПК делает реальной ситуацию, когда ходатайство должностных лиц о проведении следственного (процессуального) действия рассматривается вне рамок непосредственного судебного разбирательства и суд санкционирует его без участия других участников уголовного судопроизводства. Как отмечалось ранее, это не освобождает суд от обязанности оценки доводов и материалов, представленных в его обоснование, а затем от вынесения законного, обоснованного и мотивированного судебного акта. Между тем, стоит, в целом, согласиться с Э. А. Адильшаевым, который полагает, что в УПК необходимо закрепить не право, а обязанность следователя или дознавателя, заявившего ходатайство принять участие в судебном заседании по его рассмотрению.⁹⁴ В условиях, когда большинство ходатайств стороны обвинения удовлетворяется в отсутствие участников судопроизводства со стороны обвинения, у последних очевидно, отпадает объективная необходимость активного участия в судебном доказывании. Между тем,

⁹⁴ Адильшаев Э. А. судебное санкционирование в уголовном процессе России М. 2013. С. 111

присутствие следователя (дознателя) непосредственно в судебном заседании можно признать критически необходимым в случаях, когда степень внутреннего убеждения суда в обоснованности (доказанности) ходатайства, условно говоря, балансирует посередине и для того, чтобы оно качнулась в ту или иную сторону необходимы хотя бы минимальные дополнительные пояснения представителей стороны обвинения.

Следующим недостатком регламентации процедуры, предусмотренной ст. 165 УПК, является наименьшая среди остальных рассмотренных судебно-контрольных производств степень конкретизации обстоятельств, образующих предмет доказывания. Представляется, что он выводится лишь путем системного толкования содержания всей ст. 165 УПК и заключается в установлении законности проведения следственного (процессуального) действия, о чем можно судить из содержания ч. 5 анализируемой статьи. При этом, за рамками оценки суда остается такое свойство следственного действия как его обоснованность, которое не стоит смешивать с обязательным требованием к обоснованности санкционировавшего его судебного решения. Ввиду этого, иногда, к сожалению, за действительное выдается лишь желаемое. Так, К. А. Городиленко пишет: «Следователь должен указать какое именно процессуальное действие будет производиться, с какой целью оно осуществляется, какие конкретно предметы и (или) документы будут получены».⁹⁵ Сходное мнение выражает и В. В. Бородин: «Следователь (дознатель), возбуждая перед судом ходатайство о производстве обыска в жилом помещении, должен указать в постановлении, кроме прочего, какие именно объекты, имеющие значение для уголовного дела, подлежат отысканию и изъятию. Производство беспредметного обыска во всех отношениях противоречит закону».⁹⁶ Призна-

⁹⁵ Городиленко К. А. Судебный контроль за проведением следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека в уголовном судопроизводстве. Научный альманах 2019. № 10–3 С. 29

⁹⁶ Бородин В. В. Разрешение судьей производства обыска в жилище: сущность и процессуальные особенности Общество: политика, экономика, право. 2017. № 12 С. 117

вая жизнеспособность приведенных позиций, нельзя, тем не менее, не отметить, что они, в настоящее время, не имеют под собой нормативной основы. Более того, действующая редакция ст. 165 УПК не содержит даже требований к содержанию ходатайства. Ввиду этого, обязанность доказывания должностных лиц правоохранительных органов, в настоящее время, чаще всего, преимущественно сводится к убеждению суда в существовании формальных условий проведения следственного (процессуального) действия.

Более определенным является предмет доказывания при легализации результатов неотложного следственного (процессуального) действия. В Определении Конституционного Суда РФ по жалобе гражданина Третьякова подчеркивается как право лиц, чьи права и законные интересы могут быть затронуты его проведением, участвовать в судебном заседании, так и конкретизируется предмет доказывания в анализируемом судебном контрольном производстве: «Предоставление этому лицу возможности участвовать в судебном заседании обуславливается, в частности, самим характером осуществляемого судебного контроля, предполагающего проверку соблюдения следователем требований закона как относительно уголовно-процессуальной формы, так и в части, касающейся установления оснований для производства обыска, в том числе обосновывающих его безотлагательность».⁹⁷ Таким образом, несмотря на то, что участвующие в данной судебном контрольной процедуре лица могут и не относиться к стороне защиты именно в уголовно-процессуальном смысле⁹⁸, представляется, что исходя из фактической сущности рассматриваемых уголовно-процессуальных отношений данные участники процесса в конституционно-правовом смысле представляют собой именно

⁹⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. N 1051-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Третьякова Дмитрия Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «Гарант» Дата обращения 23 сентября 2021 г.

⁹⁸ Например, при участии в судебном контрольном производстве по итогам проведения обыска не обвиняемого (подозреваемого), а собственника жилого помещения

ее. При этом, несмотря на то, что первоначально на следователя или дознавателя возлагается обязанность не позднее 3 суток с момента начала производства следственного действия уведомить судью и прокурора о производстве следственного действия с приложением копий постановления о производстве следственного действия и протокола следственного действия, на теоретическом уровне не решен вопрос о том в чью пользу толкуются сомнения в доказанности законности процедуры и результатов следственного (процессуального) действия. Можно допустить, что первоначально имеет место фактическая презумпция незаконности действий правоохранительных органов — без предварительного судебного санкционирования. Однако без ответа остается вопрос о том означает ли это, что она автоматически утрачивает свое действие после представления стороной обвинения документов, указанных в ч. 5 ст. 165 УПК? На этот вопрос можно дать скорее отрицательный ответ — ввиду обязанности суда оценить представленные материалы. Тем не менее, остается не ясным — как поступать суду, если его внутреннее убеждение приводит его к выводу о балансе вероятностей? Как и при вынесении других промежуточных судебных решений однозначный ответ может быть получен лишь после принципиального решения о возможности распространения положения ч. 2 ст. 14 УПК в части толкования сомнений не только на вопрос о виновности лица, но и на прочие обстоятельства, ограничивающие права, свободы и интересы человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, для достижения наиболее сбалансированного режима распределения бремени доказывания в ходе судебно-контрольных производств необходимо, как представляется, предпринять некоторые меры, частично носящие универсальный характер, частично регулирующие процесс доказывания в ходе конкретного производства.

Максимально эффективной реализации участниками уголовного судопроизводства своей обязанности доказывания будет способствовать конкретизация предмета доказывания. Очевидно, что описать его на законодательном уровне ис-

черпывающим образом — не представляется возможным ввиду индивидуальности правоприменительной практики даже в рамках одного вида судебно-контрольного производства. Между тем, недопустима и ситуация, когда таковой выводится лишь путем системного толкования норм УПК и обращения к правовым позициям высших судебных инстанций, как это имеет место при анализе нормативного содержания ст. 165 УПК.

Без прямого ответа остаются и три важнейших вопроса, от ответов, на которые ключевым образом зависит режим распределения бремени доказывания в судебно-контрольных производствах: 1) какой участник процесса обязан доказывать не только первоначальные, но и последующие приводимые доводы 2) Распространяется ли на обвиняемого (подозреваемого) действие ч. 2 ст. 14 УПК по аналогии закона 3) в пользу какого из участников судопроизводства толкуются сомнения в доказанности обстоятельств, образующих предмет доказывания в каждом конкретном случае?

На законодательном уровне целесообразно окончательно снять вопрос о возможности проведения судебных следственных действий при осуществлении судебно-контрольных производств. Данная мера позволит суду в случае наличия у него сомнений после первоначального представления стороной обвинения сведений осуществить их проверку и трансформацию в доказательства в случае, если они до представления в суд являются результатами ОРД. Это с одной стороны, позволит суду при принятии решения оперировать именно доказательствами, а с другой не считать, что обязанность доказывания стороны обвинения не была выполнена лишь потому, что представленные материалы хоть и являются относимыми, достоверными и достаточными, но к моменту их оценки судом не являются доказательствами.

Для определения того выполнена ли участником судебно-контрольного производства обязанность доказывания вполне целесообразно определиться со стандартами доказанности обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Очевид-

но, что они должны иметь вероятный, а не достоверный характер — ввиду промежуточного характера всех принимаемых процессуальных решений. Между тем, категория вероятности, как отмечалось ранее в настоящей работе имеет огромный диапазон — от случайности до приближающейся к достоверности степени внутреннего убеждения суда.

§2. Распределение бремени доказывания виновности (невиновности) подсудимого и обстоятельств, влияющих на уголовную ответственность

Нормы действующего российского уголовно-процессуального законодательства (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК), а также являющихся частью российской правовой системы международных актов⁹⁹, окончательно возвели презумпцию невиновности не просто в один из принципов уголовного процесса, а в фундаментальный регулятор всего производства по уголовному делу и реализации процесса доказывания при осуществлении уголовного судопроизводства. Между тем, системный анализ УПК позволяет сделать вывод, что содержание обязанности доказывания виновности (невиновности) подсудимого не сводится исключительно к определению его причастности к совершению преступления. Данный тезис наглядно подтверждается совокупностью уголовно-процессуальных норм — прежде всего ст. 73 УПК РФ, согласно которой виновность подсудимого подлежит исследованию после установления события преступления. Кроме того, констатировать виновность подсудимого в соверше-

⁹⁹ Ст. 11 Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) Доступ из СПС Консультант+ Дата обращения 29.10.2021; п. 2 ч. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Заключена в Риме, 4 ноября 1950 г.) Доступ из СПС «Гарант» Дата обращения 29.10.2020; ч. 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из СПС «Консультант+ Дата обращения 29.10.2021

нии преступления невозможно, когда имеют место обстоятельства, исключающие преступность деяния. Несомненно, также, что невозможно констатировать выполнение стороной обвинения бремени доказывания виновности подсудимого без установления, в соответствии со ст. 8 УК, в его деянии всех признаков состава преступления, а также общественной опасности. Данное требование, в целом, выражается в ст. 73 УПК косвенным путем — через установление обязанности доказывания других обстоятельств. Например, установление характера и размера ущерба, причиненного преступлением, по своей сути, является познанием объекта и объективной стороны состава преступления, а обстоятельств, характеризующих личность подсудимого такого элемента как субъект преступления.

Закрепляя в п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК обязанность для субъектов доказывания установить событие преступления, законодатель отдельно перечисляет ряд обстоятельств, относящихся к событию преступления, но не являющихся обязательными признаками элементов большинства составов преступлений, предусмотренных УК РФ (время, место, способ). Такое положение вещей, на практике, приводит к тому, что участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения, зачастую, данные обстоятельства не устанавливаются вообще либо устанавливаются неполно. В свою очередь суды, несмотря на констатацию данного факта в описательно-мотивировочной части решения, в ряде случаев, все равно выносят обвинительные приговоры. Так, отменяя приговор суда первой инстанции Президиум Новосибирского областного суда в своем постановлении указал: «признавая К. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ — незаконное приобретение и хранение без цели сбыта наркотического средства в крупном размере, суд указал, что в период времени до 09 апреля 2011 года в неустановленном следствием месте и при не установленных обстоятельствах К. у неустановленного следствием лица незаконно приобрел наркотическое средство героин массой не менее 0,951 грамма, что является крупным

размером, без цели сбыта, для личного потребления».¹⁰⁰ Ввиду этого, куда более правильной представляется правовая позиция судов, согласно которой использование при описании события слова «неустановленный» в различных его вариантах, как правило, говорит о том, что событие преступления не доказано, а соответственно, не установлена и объективная сторона преступления.¹⁰¹

Из всех трех признаков, характеризующих событие преступления, установление которых прямо предписывается п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК наибольшие трудности для правоприменителей вызывает именно установление времени совершения преступления. Данный вывод наглядно демонстрируется обращением к материалам судебной практики и наличием значительного количества жалоб, приносимых на приговоры судов первой инстанции именно по этому основанию. В свою очередь, подход судов, осуществляющих проверку решений судов первой инстанции к факту недоказанности времени совершения преступления весьма различен. А. М. Панокин отмечает, что необходимая степень конкретизации при установлении времени, места, способа и других обстоятельств совершения преступления может быть неодинаковой и определяться формулировками различных составов преступлений.¹⁰² Однако, даже при осуществлении доказывания по однородным составам преступлений суды по-разному оценивают доказательственную деятельность стороны обвинения. Иногда суды признают достаточным, для констатации выполнения стороной обвинения обязанности доказывания, когда время совершения общественно опасного деяния не конкретизировано даже до соответствующего месяца: «Вопреки доводам жалобы, время изготовления 3. огнестрельного

¹⁰⁰ Постановление Новосибирского областного суда от 08 августа 2018 г. по уголовному делу № 1–237/2011 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 26.10.2020

¹⁰¹ Постановление Тимашевского районного суда Краснодарского Края от 25 февраля 2020 г. по делу № 1–31/2020 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 18.10.2020

¹⁰² Панокин А. М. Неустановленные обстоятельства совершения преступления: проблемы доказывания //Журнал российского права 2015. № 11 С. 93

оружия судом установлено — лето 2014 г., о чём указано в приговоре».¹⁰³ В других случаях время преступления устанавливается с указанием диапазона в несколько дней : «Г. было предъявлено обвинение в том, что она, имея умысел на хищение чужого имущества — денежных средств, путем обмана, в крупном размере, умышленно, из корыстных побуждений, с целью личной наживы, в период времени с 01.09.2015 по 18.09.2015, находясь на территории города Липецка, более точное место совершения преступления не установлено, с целью привлечения клиентов разместила в сети «интернет» на сайте «Л.» объявление от имени несуществующего ООО «М.», содержащее заведомо ложные сведения о продаже бывших в употреблении металлических конусных бочек».¹⁰⁴ Можно признать, что существующее положение вещей прямо не нарушает принцип законности при осуществлении доказывания стороной обвинения ввиду того, что УПК не содержит в себе требования о детализации времени совершения преступления. На это обратил внимание и Верховный Суд РФ: «Указание в обвинительном заключении о времени совершения П. инкриминируемых ему в вину деяний — «в ночь с 16 на 17 октября 2004 года» соответствует предъявленному обвинению и не противоречит положениям ст. 73, 171, 220 УПК РФ, которые не содержат требования об обязательном установлении времени совершения преступления с точностью до часа или минуты, к чему сводится ошибочное мнение осужденного и его защитника».¹⁰⁵

Между тем, установление максимально точного времени совершения преступления имеет как уголовно-правовое, так и уголовно-процессуальное значение. Ввиду этого, сводить юридическое значение времени совершения преступления

¹⁰³ Постановление президиума Тамбовского областного суда от 12 сентября 2019 г. по делу № 1–6/2017 Дата обращения 30.10.2020

¹⁰⁴ Постановление октябрьского районного суда г. Липецка от 16 января 2020 г. по делу № 1–366/2019 Дата обращения 29.10.2020

¹⁰⁵ Определение Верховного Суда РФ от 2 апреля 2013 г. по делу № 2–40/08 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 29.10.2020

лишь к возможному истечению срока давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 78 УК) представляется ошибочным. Такая позиция приводит к тому, что время преступления устанавливается лишь ориентировочно с указанием на окончание преступного деяния, как правило совпадающего с пресечением преступного посягательства. Между тем, как, верно, указывают О. А. Попова и А. В. Ключков доказательственное значение установления времени совершения преступления возрастает, когда в процессе расследования возникает необходимость конкретизации действий обвиняемого, проверки выдвинутого им алиби, разделения ответственности между соучастниками. В определенных случаях даже указание на временной промежуток совершения преступления, ограниченный одним часом, не может быть признан достаточным для констатации выполнения обязанности доказывания. Так, З. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 213 УК, объективную сторону которого составляло использование в качестве оружия предмета, конструктивно схожего с автоматом, являющегося списанным охотничьим огнестрельным оружием-автоматом Калашникова АК 74М, 5,45 мм. Суд апелляционной инстанции изменил обвинительный приговор суда первой инстанции ввиду того, что время совершения преступления в нем было указано как период с 18.00 до 19.00. В свою очередь, в ходе судебного следствия было установлено, что приобретение оружия состоялось в 18.45, что было подтверждено платежным документом.¹⁰⁶

Схожие проблемы на практике имеют место и с установлением места совершения преступления. Как и при определении времени преступного деяния практические работники расходятся во мнениях относительно должной конкретизации описания данного признака объективной стороны преступления. Обращение к материалам судебной практики показывает, что в отдельных случаях место пре-

¹⁰⁶ Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 10 декабря 2018 г. по делу № 22–2563/2018 Доступ из электронной базы судебных ресурсов «Судакт» Дата обращения 27.10.2020

ступления обобщается вплоть до муниципальных районов. Так, при вынесении обвинительного приговора в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 292 УК (служебный подлог) суд указал следующее: «Местом совершения преступления определена территория Усть-Калманского района Алтайского края, так как в указанный промежуток времени осуществлял свою трудовую деятельность именно на территории Усть-Калманского района».¹⁰⁷

Если при определении времени совершения преступного деяния одной из ошибок, как отмечалось, выступает сведение его юридического значения лишь к истечению сроков давности привлечения к уголовной ответственности, то ошибочное (неточное) установление места совершения преступления, ведет, в свою очередь, к неверному определению подсудности (подследственности) уголовного дела. Однако, в ряде случаев, точное определение места совершения преступления вплоть до дома позволяют сделать вывод не только о непричастности подсудимого к совершению преступления, но и об отсутствии такового в том виде, в каком оно сформулировано стороной обвинения. Это наглядно иллюстрирует правовая позиция суда апелляционной инстанции, который отменяя вынесенный районным судом приговор отметил, что подсудимый не мог совершить преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 264 УК ввиду неверного указания дома, у которого, по версии государственного обвинителя, произошло причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, поскольку указанный в приговоре дом не граничит с местом совершения преступления. Довод прокурора об опечатке был, отвергнут, а уголовное дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.¹⁰⁸

¹⁰⁷ Приговор № 1–3/2019 1–90/2018 от 3 июня 2019 г. Усть-Калманский районный суд Алтайского края Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 27.10.2020

¹⁰⁸ Апелляционное постановление Нижегородского областного суда от 3 марта 2020 г. по делу № 22–1195/2020. Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 25.10. 2020

Можно констатировать, что верное определение места и времени совершения общественно опасного деяния, по мнению автора, кроме установления других юридически значимых обстоятельств, позволяет прежде всего, сделать правильный вывод о причастности (непричастности) подсудимого к совершению преступления. В этой связи показательна описательно-мотивировочная часть приговора суда первой инстанции, который установив точное время и место совершения преступления (жилое помещение), указал, в том числе, следующее: «В телефонных соединениях с точностью до секунды указана хронология событий. Суд, сопоставляя показания свидетелей в последовательности событий со временем по распечаткам телефонных соединений, приходит к выводу, что с 19:30 и вплоть до убийства Б. находился в машине Г».¹⁰⁹ Данное уголовное дело примечательно тем, что, во-первых, свидетельствует о том, что при заявлении подсудимым об алиби стороне обвинения, в любом случае, в соответствии с ч. 2 ст. 14 УПК придется нести бремя его опровержения, во-вторых, наглядно позволяет убедиться в том, что при наличии соответствующего процессуального интереса время определенных юридических фактов, в некоторых случаях, может быть установлено с точностью до минут.

Нельзя согласиться с тем, что бремя опровержения алиби не возлагается на сторону обвинения. В связи с этим, противоречащими принципу действия презумпции невиновности являются ситуации, когда суды констатируют невыполнение бремени доказывания алиби стороной защиты.

Стоит отметить, что незаконным является не только переложение на сторону защиты бремени представления доказательств, но и бремени убеждения (оценки доказательств) в существовании или отсутствии определенных фактов, имеющих значение для конкретного уголовного дела. Речь идет о ситуациях, когда подсуди-

¹⁰⁹ Приговор Малгобекского районного суда Республики Ингушетия от 23 июля 2018 г. по уголовному делу № 1–18/2018 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 28.10.2020

мый ограничивается лишь утверждением, что он не мог совершить преступление ввиду нахождения в другом месте без его указания. Подобный пример приводит А. М. Ларин, описывая ситуацию, в которой подсудимый в момент совершения преступления находился у лица, вызов которого в суд для дачи свидетельских показаний мог скомпрометировать как его, так и потенциального свидетеля.¹¹⁰ В свою очередь В. М. Савицкий, давая теоретическую оценку подобной ситуации указывает, что в подобных случаях на сторону обвинения не возлагается практически невыполнимая обязанность доказывания отсутствия подсудимого во всех местах его возможного нахождения во время преступления, если изначально виновность подсудимого (в том числе его нахождение на месте преступления во время его совершения) достоверно доказана. В этом случае заявления стороны защиты об алиби будут автоматически опровергаться совокупностью собранных обвинительных доказательств.¹¹¹

Между тем, полностью соответствующим характеру состязательного уголовного процесса и арбитражной функции суда, по мнению автора, будет лишь такое судебное следствие и итоговое решение суда, в котором доводы стороны защиты были проверены и нашли свое отражение. К сожалению, п. 2 ст. 307 УПК, устанавливающая требования к описательно-мотивировочной части обвинительного приговора, содержит лишь указание на обязательность оценки доказательств, представленных сторонами, но умалчивает относительно оценки судом соответствующих доводов, не подкреплённых доказательствами. Умалчивают об оценке и проверке судом доводов также ст. 17, 87 и 88 УПК, которые также регламентируют лишь оценку и проверку соответствующих доказательств, но не доводов.

В данном контексте может возникнуть вопрос о возможности проверки доводов стороны защиты о факте, имеющем юридическое значение. В ряде случаев

¹¹⁰ Ларин А. М. Презумпция невиновности М. 1982. С. 50

¹¹¹ Савицкий В. М. Презумпция невиновности М. 1997. С. 86

суды прямо отвергают соответствующую версию без оценки возможности (невозможности) осуществить ее проверку. Так, суд первой инстанции в своем приговоре указал, что версия подсудимого ввиду того, что она была заявлена лишь в ходе судебного заседания и не подлежит проверке ввиду ее «изначальной несостоятельности и надуманности».¹¹² Представляется, что использование подобных формулировок недопустимо, поскольку не сочетается с требованиями обоснованности и мотивированности процессуальных решений. Гораздо более правильной выглядит позиция суда, который в качестве мотива для отказа от проверки версии подсудимого указал на то, его довод не подлежит проверке ввиду того, что он отказывается назвать имя человека по просьбе которого, подсудимый, согласно его версии, сдал предмет хищения в ломбард.¹¹³ Данная процессуальная ситуация, как и защитительный довод о наличии алиби, не освобождает сторону обвинения от обязанности доказывания виновности подсудимого, а соответственно суд от проверки защитительной версии, но, по мнению автора, позволяют признать судом факт выполнения стороной обвинения бремени доказывания виновности подсудимого, а доводы стороны защиты, в свою очередь, опровергнутыми, совокупностью других имеющихся в уголовном деле доказательств, если таковая признана судом достаточной. Представляется, действующая редакция ст. 14 УПК, возлагая на сторону обвинения бремя опровержения доводов стороны защиты, одновременно, не обязывает ее опровергать любой защитительный довод, в том числе в случаях, когда сделать, очевидно, практически невозможно. Юридическое значение ч. 2 ст. 14 УПК заключаются, во-первых, в том, что, бремя ни в коем случае не может быть возложено на подсудимого, во-вторых, последствия недоказанности фактов, связанных с констатацией наличия события преступления, его

¹¹² Приговор Ступинского городского суда московской области от 2 июня 2015 г. по уголовному делу № 1–129/2015 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 22.10.2020

¹¹³ Приговор Усть-Илимского городского суда 21 мая 2019 г. по делу № 1–99/2019 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 25.10.2020

состава, а также причастности подсудимого к его совершению в любом случае несет сторона обвинения.

Применительно к проблематике доказывания обстоятельств, связанных установлением виновности подсудимого неразрешенным на научном уровне, остается вопрос о необходимости доказывания такого элемента состава преступления как вменяемость лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Дискуссия по данному вопросу возможна ввиду того, что п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК не раскрывает какие именно данные о личности обвиняемого, подлежат установлению при производстве по каждому уголовному делу. Рядом исследователей признается существование фактической «презумпции вменяемости»¹¹⁴, исходя из которой ее оценка производится, кроме случаев прямо предусмотренных УПК, лишь тогда, когда существуют основания сомневаться в ее наличии. Такой подход, на первый взгляд, находит подтверждение и на законодательном уровне — согласно ч. 1 ст. 300 УПК вопрос о вменяемости подсудимого при постановлении приговора суд обсуждает, только если он возникал в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства. Между тем, системное толкование норм уголовно-процессуального и уголовного законодательства позволяет сделать вывод, что вменяемость подсудимого подлежит доказыванию. Во-первых, согласно ст. 8 УК основанием уголовной ответственности является совершение общественно опасного деяния, содержащего все признаки преступления, а вменяемость, относясь к субъекту деяния, очевидно, является одним из них; во-вторых на доказывание любого из элементов состава преступления полностью распространяется действие презумпции невиновности. Ввиду этого, представляется, материальная норма, устанавлива-

¹¹⁴ См.: Грошев А. В. Презумпции в уголовном праве их роль в правоприменительной деятельности // Юридическая техника 2010. № 4 С. 21; Кузнецов И. П. Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса России: дисс ...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Кузнецов И. П.-Воронеж, 1998. — С. 121; Дрягин М. А. Презумпция невиновности в российском уголовном судопроизводстве ...дисс. канд. юрид. наук:12.00.09 / Дрягин М. А.- Иркутск, 2004. — С. 144.

ющая само основание уголовной ответственности и норма-принцип уголовного процесса в своей совокупности имеют приоритет над предписанием ч. 1 ст. 300 УПК РФ.

По пути, отвергающему существование презумпции вменяемости в ее уголовно-правовом смысле, идет и судебно-следственная практика. Исследование 30 приговоров судов первой инстанции по уголовным делам, где проведение психиатрической экспертизы не обязательно показало следующие результаты. В 18 из них (60%) имелись стандартные для судебной практики доказательства вменяемости подсудимого — справки об отсутствии нахождения на психиатрическом и наркологическом учетах по месту жительства. Типичное извлечение из приговора суда выглядит следующим образом: «С учетом исследованных в судебном заседании данных, характеризующих личность П., который на учете врачей психиатров и наркологов не состоит, суд считает необходимым признать его вменяемым в отношении содеянного и способным нести уголовную ответственность».¹¹⁵ Следует признать, что данный подход наиболее полностью соответствует не только российскому законодательству, но и объективной логике уголовно-процессуального доказывания, согласно которой стороной обвинения доказываются все элементы состава преступления.

Если отсутствие единообразия судебной практики при решении вопросов о виновности подсудимого вызвано, в том числе, не всегда правильным пониманием практическими работниками глубинной сущности презумпции невиновности в совокупности всех ее элементов, то проблема отсутствия единства в вопросах доказывания других обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК (пп. 5-8 ч. 1 ст. 73) обусловлена уже не только методологическими факторами, но и теоретической неразрешенностью вопроса о надлежащем режиме бремени доказывания при их исследовании.

¹¹⁵ Приговор Центрального районного суда г. Красноярска от 21.09.2018 по делу № 1–43/2018 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 22.04.2020 г.

Признав виновным Т. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ Советский районный суд Владивостока, в частности, указал в приговоре следующее: «В ходе судебного следствия стороной защиты и подсудимым не представлено доказательств, свидетельствующих о наличии у Т. заболеваний, являющихся основанием для смягчения назначаемого наказания». Таким образом, суд констатировал невыполнение бремени доказывания наличия смягчающего обстоятельства стороной защиты.¹¹⁶

При изучении судебных решений, нередко встречаются и такие, где не указано, кто из участников судебного следствия не выполнил бремя доказывания факта наличия смягчающего обстоятельства, вследствие чего суд не стал учитывать его при назначении наказания. Признав Л. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, Шебекинский районный суд Белгородской области, решая вопрос о наказании отметил: «Суд не относит к обстоятельствам, смягчающим наказание Л. активное содействие раскрытию и расследованию преступления, так как сторонами не представлено доказательств, свидетельствующих о наличии указанных обстоятельств».¹¹⁷ Несмотря на юридическое указание в числе субъектов, не выполнивших бремя доказывания, в том числе и прокурора, в данном случае, оно, фактически, все равно было возложено на сторону защиты, поскольку негативные последствия недоказанности факта наличия смягчающего обстоятельства понес именно подсудимый, а не государственный обвинитель.

Таким образом, при желании сослаться на наличие смягчающих обстоятельств сторона защиты, зачастую, сталкивается с необходимостью доказать их наличие. В свою очередь, при ссылке стороны обвинения на наличие в уголовном деле обсто-

¹¹⁶ Приговор Советского районного суда г. Владивостока от 28 мая 2018 г. по делу № 1–235/2018 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 01 ноября 2021 г.

¹¹⁷ Приговор Шебекинского районного суда Белгородской области от 06 августа 2019 г. № 1–106/2019 Доступ их электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 02 ноября 2021 г.

ятельств, отягчающих наказание, на подсудимого возлагается такой элемент бремени доказывания как бремя опровержения доводов государственного обвинителя.

Между тем, существуют судебные решения, где судом констатируется, что бремя доказывания обстоятельств, выходящих за пределы состава преступления и виновности подсудимого не выполнено именно стороной обвинения. Это иллюстрируется следующим примером из судебной практики. Суд апелляционной инстанции указал, что стороной обвинения не доказано, что мобильный телефон, использовавшийся для приобретения наркотического вещества, принадлежал именно подсудимому и может быть конфискован в соответствии со ст. 104.1 УК и п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК: «Суд апелляционной инстанции, проверив материалы дела, заслушав пояснения осужденного Х. о принадлежности сотового телефона марки «S.» с сим-картой оператора связи «Y.» Ф., допросив свидетеля Ф. о том, что указанный телефон с сим-картой принадлежит ей, сим-карта оператора сотовой связи «Y.» зарегистрирована на ее имя, исследовав материалы уголовного дела, касающиеся изъятия и осмотра сотового телефона, а также справку ООО С. о том, что владельцем абонентского номера сим — карты является Ф. и учитывая, что показания осужденного и свидетеля о принадлежности телефона с сим-картой Ф., а не Х., стороной обвинения не опровергнуты, приходит к выводу о том, что вышеуказанный сотовый телефон с сим-картой подлежит возвращению собственнику — свидетелю Ф».¹¹⁸

Таким образом, при доказывании обстоятельств, входящих в главный предмет доказывания по уголовному делу, но не относящихся к виновности подсудимого, исходя из реалий судебной практики, возможны следующие варианты распределения бремени доказывания:

Сторона обвинения заявляет о существовании обстоятельства, подлежащего доказыванию. Она же обязана привести доказательства, подтверждающие ее до-

¹¹⁸ Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 27 июня 2019 г. по делу № 22–1010/2019 Доступ из СПС «Судакт» Дата обращения 01 ноября 2021 г.

воды, например, справку из ПНД по месту жительства лица, страдающего психическим расстройством в случае, если сторона обвинения заявляет об отягчающем преступлении обстоятельстве, предусмотренном п. «д». ч. 1 ст. 63 УК. То есть сторона обвинения несет и бремя убеждения суда в существовании обстоятельства, имеющего юридическое значение и бремя представления доказательств, его подтверждающих. Даже если исходить из позиции, что презумпция невиновности не распространяется на доказывание данного юридического факта, то в данном случае будет действовать общеправовой принцип «доказывает тот, кто утверждает». В этом случае сторона защиты может избрать следующие варианты процессуального реагирования: 1) полное игнорирование доводов и доказательств стороны обвинения; 2) заявление о несостоятельности доводов стороны обвинения и представленных доказательств; 3) заявление о несостоятельности доводов обвинения с приведением собственных контрдоводов — например об осозновании подсудимым неадекватности поведения его сообщника, но не знании о том, что оно вызвано именно психическим заболеванием, а не тяжелыми жизненными обстоятельствами; 4) приведение контрдоводов, а также представление доказательств, подтверждающих позицию стороны защиты — например копию водительского удостоверения, сообщника, оригинал которого видел подсудимый и на основании этого предполагал, что лицо, обладающее данным документом, по умолчанию, является вменяемым.

В свою очередь, защитник, исходя из требований Стандарта осуществления защиты в уголовном судопроизводстве и Кодекса профессиональной этики адвоката обязан занимать процессуально-активную позицию из чего следует, что варианты 1 и 2 для него являются неприемлемыми. Адвокат обязан проявлять доказательственную активность.

Ситуация как с теоретической, так и с практической точек зрения становится еще более сложной, если речь идет о доказывании смягчающих обстоятельств. Несмотря на то, что ст. 14 УПК РФ возлагает на сторону обвинения лишь бре-

мя доказывания виновности подсудимого, обязанность установить, в том числе наличие (отсутствие) смягчающих обстоятельств также возлагается на сторону обвинения исходя из требований ст. 73 УПК, п. 7 ч. 1 ст. 220 УПК и п. 1 ч. 1 ст. 225 УПК. Проблема здесь кроется в том, что, во-первых, сторона обвинения, как правило, не обладает процессуальным интересом в доказывании смягчающих обстоятельств, во-вторых доказывание отрицательного факта, исходя не только из основ криминалистики, но и общих законов гносеологии (теории познания) отличается большей сложностью чем доказывание фактов положительных. Главный вопрос — действует ли правило «доказывает тот, кто утверждает» в случае, если о наличии смягчающих обстоятельств заявляет сторона защиты? Представляется, что нет, и дело здесь как раз в том, что сторона обвинения, как было отмечено выше, должна установить наличие (отсутствие) отягчающих и смягчающих обстоятельств и отразить информацию об их доказывании в обвинительном заключении (обвинительном акте). Если же сторона обвинения пришла к выводу об отсутствии смягчающих обстоятельств, то в случае, если стороной защиты ставится под сомнение данный тезис, то, исходя, из все тех же требований ст. 73, 220 и 225 УПК опровергнуть его должна сторона обвинения. Однако, в данной процессуальной конфигурации нерешенным остается все тот же главный вопрос — в чью пользу толковать сомнения, если они остаются у суда — теперь уже в вопросе наличия смягчающих обстоятельств, о которых заявляет сторона защиты? И вновь, как и при решении о доказанности других обстоятельств, предусмотренных пп. 5-8 ч. 1 ст. 73 УПК «правильного», то есть легально определенного или хотя бы доктринально принятого решения, по мнению автора, не существует. Для снятия данной проблематики законодателю придется ответить на вопрос — допустимо ли распространять действие презумпции невиновности не только на обстоятельства, характеризующие преступность деяния, но и на обстоятельства, влияющие на его наказуемость. Пока ответа на данный вопрос нет, адвокату и его подзащитному в случаях, когда они оспаривают наличие отягчающих об-

стоятельств, заявляют о наличии смягчающих обстоятельств, или об отсутствии оснований для конфискации имущества необходимо проявлять максимальную активность в осуществлении доказывания, чтобы у суда не оставалось сомнений в доказанности юридических фактов, о наличии (отсутствии) которых заявляет сторона защиты.

Таким образом, выявленные в настоящем параграфе теоретические вопросы можно условно подразделить на две составляющие –проблемы доказывания всех юридически значимых обстоятельств, относящихся к событию преступления, доказанности всех элементов его состава и причастности подсудимого к его совершению и проблематика доказывания обстоятельств, влияющих на уголовную ответственность.

Представляется, что в случаях, если подсудимый (его защитник) выдвигает версию об отсутствии какого-либо из юридических фактов, относящихся к событию преступления, его составу либо заявляет об алиби, то соответствующий довод должен обладать фактическими данными, в случае отсутствия которых сторона обвинения может быть освобождена судом от специальной (частной) обязанности его опровержения. Суд, в свою очередь, должен при вынесении судебного решения указать мотивы, по которым соответствующие доводы были им отвергнуты. Между тем, такое положение вещей не освобождает сторону обвинения от общего бремени доказывания по уголовному делу в соответствии с ч. 2 ст. 14 УПК и обязанности, несмотря на невозможность опровергнуть конкретный довод подсудимого доказать наличие (отсутствие) обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Такую конструкцию, по мнению автора, можно условно назвать «асимметричное опровержение защитительных доводов», а ее введение не посягает на существующую нормативную конструкцию действия презумпции невиновности, но тем не менее, обязывает суд указывать в итоговом процессуальном решении о причинах по которой довод подсудимого (его защитника) не может быть опровергнут.

В свою очередь, п. 2 ст. 14 УПК следует дополнить указанием на то, что сомнения в доказанности (недоказанности) всех юридически значимых фактов, влияющих не только на виновность подсудимого, но и на применение мер уголовной ответственности и назначение наказания должны толковаться в пользу обвиняемого. Данная мера будет способствовать еще более глубокой реализации принципа действия презумпции невиновности в уголовном процессе в его глубинном конституционном и общеправовом духе.

§3. Распределение бремени доказывания при осуществлении реабилитации

Процедура реабилитации является уникальной в отечественном уголовном судопроизводстве — как ввиду функциональных основ ее построения и регламентации, так и с точки зрения субъектного состава и особенностей реализации участниками доказывания своих процессуальных функций. Более того, данный тезис применим и по отдельности к ряду правоотношений, возникающих при установлении обстоятельств, предусмотренных ст. 397 УПК. Прежде чем непосредственно переходить к особенностям распределения бремени доказывания при возмещении реабилитированному имущественного вреда, представляется необходимым затронуть аспект действия базовых принципов-регуляторов процесса доказывания при осуществлении реабилитации — состязательности и презумпции невиновности.

Практика применения норм института реабилитации, с одной стороны, свидетельствует о росте количества лиц, желающих использовать свое право на возмещение вреда, предоставленное законодателем, с другой, — с заявлениями об осуществлении реабилитации в суд обращается меньшая часть из лиц, имеющих на это право. Кроме того, суммы присуждаемых компенсаций имущественного и морального вреда практически никогда не соответствуют заявленным при обращении в суд.

Ю. К. Якимович совершенно справедливо указывал на ошибочность мнения, согласно которому при разрешении вопросов, связанных с процедурой реабилитации допустимо отсутствие судебного следствия: «При рассмотрении дел дополнительного производства в суде первой инстанции должно проводиться судебное следствие. Решение может быть вынесено только на основе исследованных непосредственно судом в судебном заседании доказательств. К доказательствам, исследуемым в суде первой инстанции по дополнительным производствам, также должны применяться правила относимости и допустимости. Так же, как и в основных производствах, в судебном заседании по этим делам могут допрашиваться свидетели, назначаться и проводиться экспертизы, исследоваться письменные и вещественные доказательства. Вместе с тем в дополнительных производствах не могут быть использованы такие доказательства, как показания потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого. С другой стороны, в дополнительных производствах в качестве доказательств могут и должны использоваться показания осужденного, в отношении которого ведется дополнительное производство».¹¹⁹ В связи с этим, с точки зрения законодательной техники, ст. 399 УПК выглядит, в значительной степени обедненной отсутствием указания на полный состав участников данного производства, регламентации их прав и обязанностей, а также порядка проведения судебного заседания. Можно полностью согласиться с Л. А. Пупышевой: «В процессуальном преобразовании нуждаются: предмет доказывания (обстоятельства, подлежащие установлению), учитывающий особенности вопросов, указанных в ст. 397, 398, 400 УПК РФ; элементы процесса доказывания и их содержание; статус субъектов доказывания, распределение бремени (обязанности) доказывания; виды (источники) доказательств, требования, предъявляемые к ним; процессуальные средства и способы получения доказательств (производство допроса, судебной экспертизы и других судебных действий), а также участие свиде-

¹¹⁹ Якимович Ю. К. Особенности доказывания в особых и дополнительных производствах // Вестник ТГУ. 2015. № 4. С. 105.

телей как лиц, обладающих сведениями, имеющими значение для дела, и вызванных в судебное заседание для дачи показаний».¹²⁰

Данные пробелы, по мнению автора настоящего пособия, могут быть исправлены путем внесения в УПК нормы, согласно которой правосудие в порядке исполнения приговора проводится по общим правилам судопроизводства в суде первой инстанции, с учетом специальных правил, установленных законом для каждого особого производства, в том числе и при возмещении вреда реабилитированному.

Таким образом, процедуру реабилитации можно определить, как самостоятельную дополнительную стадию уголовного процесса, осуществляемую в суде первой инстанции с применением ряда особых правил, отличающих ее от основного производства.

Предметом доказывания в процессе реабилитации являются наличие обстоятельств, являющихся основанием для осуществления выплат реабилитированному лицу, а также размер соответствующей суммы. При этом материалы и предметы, представляемые участниками производства, приобретают статус доказательств непосредственно после принятия их судом в качестве достоверных, допустимых и относимых.

Для определения оптимальных путей совершенствования процедуры реабилитации необходимо проанализировать ее субъектный состав и выполняемые этими субъектами функции.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 399 УПК в процедуре реабилитации принимает участие реабилитированное лицо, а в соответствии с ч. 6 ст. 399 УПК — прокурор. В процедуре возмещения вреда, в соответствии со сложившейся судебной практикой, принимают участие и иные участники, например, представитель реабилитированного лица, представитель финансовых органов. Для определения полно-

¹²⁰ Пупышева Л. А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса 12.00.09: автореф. дисс...докт. юрид. Наук / Пупышева Л. А.- Омск, 2022. — С. 15

мочий участников процесса доказывания в процедуре реабилитации, распределения бремени доказывания принципиальное значение имеет то, какую функцию на каждого из них возлагает законодатель.

Д. В. Тулянский справедливо указывает, что рассматривать участников уголовного судопроизводства, при исполнении приговора исходя из устоявшихся уголовно-процессуальных функций (суд-обвинение-защита) не представляется продуктивным. По его мнению, прокурор при осуществлении реабилитации надзирает не за отдельными участниками судопроизводства, а выполняет общую правозащитную функцию, стремясь к обеспечению баланса прав и законных интересов, как государства, так и реабилитированного лица (заявителя).¹²¹ С этой целью следовало бы внести изменения в ст. 399 УПК, регламентирующие полномочия прокурора в стадии исполнения судебных решений, одновременно признавая его участие обязательным, наделив правом выражать отношение к заявленным реабилитированным требованиям, представлять доказательства, заявлять ходатайства, а также иными правами и обязанностями присущими прокурору про производство в суде первой инстанции (например, выступать в судебных прениях).

Теперь перейдем непосредственно к доказательственному статусу реабилитированного лица в процессе реализации им права на возмещение имущественного вреда.

Во-первых, необходимо особо отметить, что согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, для реабилитированных установлен упрощенный, по сравнению с исковым порядком гражданского судопроизводства, режим правовой защиты, освобождающий их от бремени доказывания оснований и размера возмещения имущественного вреда.

При рассмотрении требований реабилитированных о возмещении такого вреда суд, в случае недостаточности данных, представленных реабилитированным

¹²¹ Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. Проблемы, поиски, решения. М., 2010. С. 43

в обоснование своих требований, оказывает ему содействие в собирании дополнительных доказательств, необходимых для разрешения заявленных им требований, а при необходимости и принимает меры к их собиранию.¹²²

Сходную позицию выразил и Конституционный Суд РФ: «По смыслу приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, суд, рассматривающий требования реабилитированного, обязан в соответствии с общими правилами доказывания установить подлежащий возмещению размер причиненного вреда, в том числе размер фактически понесенных расходов на оказание юридической помощи. Для этого суд вправе как по ходатайству заинтересованных лиц, так и по своей инициативе получить необходимые доказательства, включая заключение эксперта и показания свидетелей. При этом, поскольку бремя доказывания размера возмещения не возлагается на самого реабилитированного, постольку сомнения в этом вопросе должны толковаться в его пользу».¹²³

Из приведенных выше правовых позиций следует чрезвычайно важный вывод — если есть недостаточность данных, в собирании которых заявителю содействует суд, это означает, что определенный объем информации реабилитированное лицо (его представитель) в обоснование своих доводов предоставить обязан. В противном случае анализируемая формулировка звучала бы следующем образом: «... в случае отсутствия данных, представленных реабилитированным...». Это же обстоятельство следует и из определения Конституционного Суда РФ — чтобы толковать сомнения в пользу заявителя нужно иметь в основе определенный доказательственный материал. При этом следует особо отметить, что соглас-

¹²² Абз. 2 п. 1. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17. «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве». Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 01.09.2022

¹²³ Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2015 г. № 708-О «По запросу Сюзунского районного суда Удмуртской Республики о проверке конституционности положений пунктов 4 и 5 части первой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Доступ из СПС «Гарант» Дата обращения 09.01.2022

но позиции Конституционного Суда, суд не обязан, а лишь вправе совершать действия по сбору доказательств.

Таким образом, очевидно, что требования заявителя о выплате определенной суммы не могут быть удовлетворены лишь на том основании, что данное лицо уже имеет право на выплату и причинение ему имущественного вреда презюмируется.

Чтобы найти разумный баланс между презумпцией обоснованности заявленных реабилитированным требований, с одной стороны, и интересами государства, и здравым смыслом — с другой, на реабилитированного (его представителя) можно возложить обязанность аналогичную бремени убеждения. В соответствии с этим на заявителя целесообразно законодательно возложить обязанность указать источники, из которых судом могут быть истребованы те или иные доказательства. Кроме того, бремя опровержения доводов заявителя стоит возложить на тех участников процесса, которые не согласны с заявленными реабилитированным суммами имущественного вреда. Этим лицом чаще всего является представитель Минфина РФ. Причем данный участник процесса появился в уголовном процессе, в значительной степени, благодаря позиции Верховного Суда РФ, а не исходя из требований уголовно-процессуального законодательства.

Проведенное нами исследование показывает, что в ходе рассмотрения заявлений, реабилитированных представители Минфина ни разу, не согласились с заявленными требованиями, а прокурор вместо выполнения правозащитной функции фактически дублирует роль ответчика, возражая против удовлетворения требований.

Таким образом, на сегодня заявитель вместо возмещения ему имущественного вреда в бесспорной форме фактически оказывается втянутым в изматывающее исковое производство, где ему противостоят два ответчика. В связи с этим некоторые ученые предлагают предоставлять реабилитированному адвоката в порядке, аналогичном предусмотренному ст. 51 УПК. Действующая конструкция института реабилитации, даже с учетом выраженной высшими судебными инстанциями РФ

позиции об освобождении реабилитированного от бремени доказывания, не способна изменить существующие реалии судебной практики. Вместо презумпции обоснованности требований реабилитированного в уголовном процессе действует не писанная, но реально существующая фактическая презумпция необоснованности заявленных требований.

Распространенность подобных ситуаций позволяет говорить об их типичности, и даже осуществить их классификацию.

1) Возложение на реабилитированного бремени доказывания наличия причинной связи между уголовным преследованием и нанесенным вследствие этого лицу вреда при «частичной реабилитации». Так, в ряде случаев суды указывают, что заявителем не представлен расчет затрат, вызванных оказанием ему юридической помощи адвокатами именно в процессе их работы по осуществлению защиты от обвинения в совершении тех преступлений, причастность к которым не нашла своего подтверждения. Между тем, очевидно, что доказать обратное заявителю практически невозможно ввиду того, что соглашения об оказании юридической помощи вряд ли могут содержать оценку стоимости защиты от обвинения в совершении каждого отдельного эпизода потенциальной преступной деятельности.

2) Возложение на реабилитированного бремени доказывания обоснованности заявленных сумм, выплаченных адвокатам по уголовному делу. Трудности на практике связаны не только с обоснованием разумности выплаченных адвокатам гонораров, но и, в ряде случаев, с подтверждением самого факта производства выплат денежных средств адвокату или адвокатскому образованию. Причины подобной ситуации могут быть достаточно разнообразными, но чаще всего связаны либо с утратой платежных документов доверителем, либо с небрежным ведением документооборота в самом адвокатском образовании или истечением срока их хранения. Между тем, представляется, что несправедливо пострадавший от незаконного (необоснованного) уголовного преследования заявитель не должен вновь претерпевать негативные последствия ненадлежащего исполнения должностных

обязанностей профессиональными участниками уголовного судопроизводства — теперь уже со стороны защиты.

3) Факты толкования против заявителя сомнений в доказанности требований при попытках возместить имущественный вред, возникающий вследствие нарушения его трудовых прав. Самым существенным и одновременно труднодоказуемым для заявителя является подтверждение утраченного им вследствие уголовного преследования заработка или недополучения иных доходов. На практике, сложности возникают в тех ситуациях, когда фактически получаемая работником заработная плата превышает ту, что указана в трудовых соглашениях и гражданско-правовых договорах, предусматривающих выполнение работ (оказание услуг).

Представляется, что причинами, не позволяющими в полной мере реализовать меры, направленные на освобождение заявителя от бремени доказывания, выступают как ранее отмеченная пробельность в нормативном урегулировании стадии исполнения приговора, так и наличие специфического круга субъектов правоотношений, участвующих на сегодня в процедуре возмещения вреда. Первый из обозначенных факторов приводит к тому, что вместо заявительного порядка рассмотрение требований фактически ведется по исковой модели, которая не предусмотрена на стадии исполнения приговора. Отчасти функционирование института возмещения вреда по исковым лекалам может провоцироваться действующей редакцией ч. 2 ст. 135 УПК, предусматривающий аналогичный исковому трехлетний срок для реализации своего права на подачу заявления. Во-вторых, в качестве фактических ответчиков, во всех изученных материалах, судом привлекаются представители Министерства Финансов РФ, вопреки требованиям ч. 6 ст. 399 УПК, которой в качестве представителей государства в рассматриваемом производстве может принимать участие лишь прокурор. Данная процессуальная конфигурация приводит к тому, что реабилитированный на сегодня вместо представления суду требований и получения отказа в них лишь после опровержения другими участниками процесса их обоснованности вынужден нести бремя дока-

звания, противостоя сразу двум процессуальным оппонентам. И если позиция представителей Минфина (ни в одном из изученных автором материалов, не согласившихся с обоснованностью заявленных требований) обусловлена их стремлением сохранить бюджетные средства и, не смотря на всю этическую неоднозначность существующего положения вещей, объясняется присущей им фактической функции ответчиков, то роль прокурора в производстве по возмещению реабилитированному имущественного вреда представляется более многогранной.

На основании изложенного предлагается указать в УПК, что как государственные, так и частные интересы при осуществлении производства в порядке исполнения приговора обеспечивают должностные лица органов прокуратуры, которые на данном этапе уголовного процесса выполняют, прежде всего правозащитную функцию.

В случае несогласия с требованиями заявителя представители прокуратуры обязаны доказать суду их необоснованность. Бремя доказывания необоснованности заявленных требований должно возлагаться именно на прокурора. Эта мера позволит реально, а не декларативно воплотить в жизнь позиции Конституционного и Верховного судов РФ об освобождении реабилитированного от бремени доказывания.

На реабилитированном, в свою очередь, остается обязанность привести доводы (но не представить доказательства) в пользу обоснованности заявленных исковых требований. Полное освобождение заявителя и от этой обязанности неминуемо приведет к злоупотреблению правом на справедливую компенсацию.

Однако для воплощения указанных предложений в жизнь явно необходимо осуществить корректировку ряда действующих норм. С точки зрения качества законодательной техники, представляется нецелесообразным воплощение данных новелл в ст. 399 УПК ввиду того, что она регламентирует общие условия судопроизводства при решении вопросов, связанных с исполнением приговора. Вполне уместным выглядит вариант, при котором права и обязанности, а также условия процедуры возмещения вреда реабилитированному лицу будут регламентироваться отдельной статьей УПК.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научный анализ теоретических наработок доктрины и изучение правоприменительных закономерностей, в настоящем исследовании, позволяют сделать ряд выводов относительно базовых институциональных особенностей и специфики реализации правоотношений участниками уголовного процесса при распределении бремени доказывания.

1. Бремя доказывания — это обусловленная либо юридической обязанностью, либо объективной необходимостью деятельность участника уголовного процесса по установлению (обоснованию) существования юридически значимого обстоятельства в уголовном процессе. По своей структуре она включает в себя две разновидности процессуальной активности при участии в доказывании по уголовному делу — юридическую обязанность и объективную (фактическую) необходимость. Юридическая обязанность доказывания, по своей сущности, является классической правовой обязанностью, установленной процессуальным законом, неисполнение которой влечет негативные процессуальные последствия. Объективная фактическая необходимость доказывания представляет собой долженствование, обусловленное законным интересом и фактическим процессуальным положением участника уголовного судопроизводства, побуждающими его проявлять правомерную доказательственную активность — с целью предотвратить риск наступления негативных последствий недоказанности юридически значимых обстоятельств.

2. В зависимости от глубины реализации бремени доказывания можно выделить четыре последовательных уровня его осуществления:

- на первом уровне бремя доказывания реализуется посредством утверждения о существовании юридически значимого обстоятельства;
- на втором уровне бремя доказывания реализуется посредством обоснования факта существования юридически значимого обстоятельства, пока без указания на конкретные доказательства, подтверждающие его существование;

- на третьем уровне бремя доказывания реализуется посредством указания на наличие перечня доказательств, способных подтвердить позицию участника уголовного судопроизводства, однако пока без их непосредственного представления;
- на четвертом уровне реализация бремени доказывания осуществляется непосредственным представлением доказательств к исследованию.¹²⁴

3. Распределение бремени доказывания имеет место как при доказывании юридически значимых обстоятельств, установленных ст. 73 УПК и влияющих на принятие итогового процессуального решения, так и при доказывании обстоятельств, являющихся основанием для принятия промежуточных процессуальных решений. Данная ситуация обусловлена постоянным развитием и усложнением уголовно-процессуального законодательства, появлением в нем новых институтов и особых производств. В современном уголовном судопроизводстве бремя доказывания уже не может распределяться исключительно в рамках трех классических процессуальных функций, реализуемых при установлении фактических обстоятельств дела и виновности (невиновности) подсудимого, что необходимо для разрешения дела, по существу. В зависимости от решаемого вопроса при установлении ряда иных юридически значимых обстоятельств в уголовном судопроизводстве бремя доказывания может возлагаться не только на сторону обвинения или на отдельных публично-властных субъектов уголовного процесса, но и на других процессуальных субъектов, не наделенных властными полномочиями, но защищающих личные или представляемые интересы: потерпевшего, заявителя, реабилитированное лицо и их представителей и даже на субъектов, выступающих на стороне защиты.

4. В ходе изучения и обобщения практики и правового регулирования, было выявлено несколько режимов распределения бремени доказывания в современном уголовном судопроизводстве: а) на участника процесса возлагается юридиче-

¹²⁴ См. Боруленков Ю. П. Юридическое познание М. 2014. С. 231

ская обязанность доказывания, и, одновременно, для него возникает объективная необходимость доказывания факта, имеющего юридическое значение (например, бремя доказывания государственным обвинителем виновности подсудимого); б) на участника процесса может возлагаться юридическая обязанность доказывания, при отсутствии объективной необходимости проявлять доказательственную активность (например, при поддержании прокурором гражданского иска при участии в деле гражданского истца или его представителя) в) у участника процесса, защищающего свои права, возникает объективная (фактическая) необходимость осуществления доказывания. Это может иметь место в силу возникающей объективной (фактической) необходимости активно участвовать в доказывании, с целью обосновать перед судом свою позицию; отстоять ее, защищая нарушенное право. Например, у подсудимого в судебном разбирательстве может возникнуть такая фактическая необходимость в случае необъективного и предвзятого расследования дела и одностороннего представления доказательств государственным обвинителем. Если подсудимый, не несущий процессуального бремени доказывания своей невиновности, будет пользоваться правом на молчание, суд даже не узнает о его возражениях. Если он будет возражать голословно — ему будет трудно опровергнуть совокупность доказательств обвинения. Для подсудимого возникает объективная (фактическая) необходимость активно участвовать в доказывании своей невиновности или смягчающих обстоятельств.

5. В УПК прямое упоминание о бремени доказывания содержится лишь в ч. 2 ст. 14 УПК и ч. 4 ст. 235 УПК, однако системный анализ положений закона показал, что его распределение в уголовном процессе регулируется не только посредством использования терминов «бремя» и «обязанность», но и посредством других формулировок, включающих в себя такие юридические конструкции и предписания как «установление обстоятельств», «обоснование доводов», «представление доказательств, предметов, документов и иных материалов», «выражение правовой позиции», «поддержание обвинения», «мотивирование жалоб и хо-

датайств». Это позволяет рассматривать теоретическое понятие бремени доказывания как общее и родовое, включать в него все варианты распределения бремени доказывания или обоснования требований, заявлений, ходатайств, обращенных к суду, а также иным властным субъектам процесса.

6. Распределение бремени доказывания между властными и не властными субъектами процесса, признание за невластными субъектами процессуальной обязанности доказывать (аргументировать, мотивировать, обосновывать, поддерживать свою жалобу, обвинение, возражения против обвинения и т. п.) требует уточнения правового регулирования этих вопросов, а также усиления гарантий от незаконного переложения на них бремени доказывания. Признание, что бремя доказывания может возникать у таких субъектов в силу конкретной фактической ситуации, превращаясь в объективную необходимость, требует уточнения регулирования права невластных субъектов участвовать в доказывании тех обстоятельств, установление которых необходимо для защиты их прав и законных интересов.

7. Ввиду того, что одним из основных регуляторов распределения бремени доказывания в уголовном процессе является презумпция невиновности, неустранимые сомнения в доказанности (недоказанности) юридически значимых обстоятельств, должны толковаться в пользу лица, не только при доказывании виновности, но и при установлении ряда других юридических фактов, являющихся основанием для ограничения его конституционных прав и свобод в уголовном судопроизводстве.

8. Адвокат в уголовном процессе обязан надлежащим образом участвовать в доказывании (по меньшей мере путем оценки доказательств и выдвижения доводов), но эта обязанность отличается от обязанности государственного обвинителя тем, что обусловлена не установлением процессуальных санкций, а возможностью применения к нему дисциплинарных и гражданско-правовых мер ответственности в случае ее невыполнения. Это обстоятельство не позволяет правоприменительным органам возложить на адвоката бремя доказывания виновности обвиняемого.

менительным органам выносить решения против подсудимого, мотивируя их тем, что подсудимый или сторона защиты не представили необходимых доказательств. Это же обстоятельство не освобождает защитника от профессиональной обязанности использовать все возможные в конкретном деле средства участия в доказывании с целью оказания подзащитному квалифицированной юридической помощи не только путем критики недостатков обвинения, но и путем позитивного доказывания и/или обоснования невиновности, меньшей виновности и любых иных обстоятельств в пользу подзащитного.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 12.01.2022
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 29.10.2021
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в Риме, 4 ноября 1950 г.) Доступ из СПС «Гарант» Дата обращения 29.10.2021
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 29.10.2021
5. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 16.01.2022
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 12.01.2022
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 12.01.2022
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 12.01.2022
9. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 09.01.2022

10. Постановление Правительства РФ от 14.01.2011 N 3 (ред. от 04.09.2012) «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» (вместе с «Правилами медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений») Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 08.09.2021

11. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (с изменениями и дополнениями, утвержденными шестым Всероссийским съездом адвокатов 22 апреля 2013 г.) (с изменениями и дополнениями) Доступ из СПС «Гарант» Дата обращения 21.09.2021

12. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.) Доступ из СПС «Гарант» Дата обращения 21.09.2021

Монографии

13. Адильшаев Э. А. Судебное санкционирование в уголовном процессе России / Э. А. Адильшаев — М.: Юрлитинформ: 2013. — 184 с.

14. Барабаш А. С. Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности правонарушителя / А. С. Барабаш — Красноярск: КГАУ, 1997. — 130 с.

15. Безрядин В. И. Контроль и надзор в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / И. В. Безрядин — Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ МВД России, 2019. — 264 с.

16. Боруленков Ю. П. Юридическое познание / Ю. П. Боруленков — М.: Юрлитинформ, 2014. — 391 с.

17. Боруленков Ю. П. Юридическое познание, доказательство и доказывание (методология, теория, практика). / Ю. П. Боруленков — М.: Юрлитинформ, 2016. — 536 с.

18. Воскобитова Л. А. Теоретические основы судебной власти / Л. А. Воскобитова — М.: Норма, 2017. — 287 с.
19. Деришев Ю. В., Мурашкин И. Ю. Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением / Ю. В. Деришев, И. Ю. Мурашкин: М.: Юрлитинформ, 2015. — 187 с.
20. Ковтун Н. Н. Ярцев Р. В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство России / Н. Н. Ковтун Р. Б. Ярцев — Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской акад. гос. службы, 2008. — 151 с.
21. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л. Д. Кокорев. Н. П. Кузнецов. — Воронеж: Воронеж. ун-т., 1995. — 268 с.
22. Колоколов Н. А. Теория уголовного процесса Презумпции и преюдиции под ред. Н. А. Колоколова / Н. А. Колоколов. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 496 с.
23. Коновалова А. Б. Основы теории доказывания / А. Б. Коновалова. — Киров: Изд-во Вятского гос. гуманитарного ун-та, 2012. — 185 с.
24. Кудрявцева А. В. Великосельский Ю. И. Функция защиты на стадии предварительного расследования / А. В. Кудрявцева. Ю. И. Великосельский. -Челябинск: Полиграф-мастер, 2006. — 167 с.
25. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе / В. А. Лазарева — М.: Высш. образование, 2013. — 343 с.
26. Ларин А. М. Презумпция невиновности / А. М. Ларин — М.: Наука, 1982. — 152 с.
27. Левченко О. В. Доказывание в уголовном процессе России / О. В. Левченко. — Астрахань: Астрах. гос. техн. ун-т, 2000. — 134 с.
28. Lupinskaya П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законотворчество и практика / П. А. Lupinskaya — М.: Норма, 2010. — 238 с.

29. Луценко П. А. Судебный контроль в досудебном производстве по уголовным делам: проблемы теории и практики / П. А. Луценко — Воронеж: 2008, — 132 с.
30. Машовец А. О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты. М.: Юрлитинформ, 456 с.
31. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И. Б. Михайловская. — М.: Проспект, 2006. — 189 с.
32. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. — М.: Юрист, 2009. — 175 с.
33. Петрова О. В., Струкова В. В. Уголовно-процессуальное доказывание / О. В. Петрова. В. В. Струкова. — Курск: Юго-западный ун-т, 2013 — 250 с.
34. Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание / А. В. Победкин М.: Юрлитинформ, 2009. — 408 с.
35. Савицкий В. М. Презумпция невиновности / В. М. Савицкий — М.: Норма 1997. — 121 с.
36. Смирнов А. В. Состязательный процесс / А. В. Смирнов. — СПб.: Альфа, 2001. — 320 с.
37. Субочев В. В. Законные интересы / В. В. Субочев. М.: Норма, 2008. — 495 с.
38. Терехин В. В., Наметкин Д. В, Смолин А. Ю. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: учебное пособие / В. В. Терехин., Д. В. Наметкин., А. Ю. Смолин. Н. Новгород: НА МВД России, 2013 — 125 с.
39. Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. Проблемы, поиски, решения / Д. В. Тулянский: М.: Юрлитинформ, 2010. — 180 с.
40. Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России / Л. Т. Ульянова. — М.: Городец, 2008. — 193 с.

41. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 / И. Я. Фойницкий. — СПб.: Альфа, 1996. — 552 с.
42. Химичева О. В. Плоткина Ю. Б. Применение в стадии предварительного расследования мер пресечения, избираемых по решению суда / О. В. Химичева Ю. Б. Плоткина — М.: Юрлитинформ, 2012. — 229 с.
43. Царева Ю. В. Залог как мера пресечения в уголовном процессе России / Ю. В. Царева — М.: Юрлитинформ, 2020. — 240 с.
44. Чурилов С. Н. Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве и криминалистике / С. Н. Чурилов. — М.: Юстицинформ, 2010. — 133 с.
45. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. / С. А. Шейфер. — М.: Норма, 2014. — 238 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

46. Авилов А. В. Субъекты обязанности доказывания в уголовном судопроизводстве: дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Авилов Александр Владимирович — Краснодар, 2011. — 165 с.
47. Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: дисс. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 // Воскобитова Лидия Алексеевна — М., 2004. — 460 с.
48. Дрягин М. А. Презумпция невиновности в российском уголовном процессе: дисс. ...канд. юрид. наук.: 12.00.09 / Дрягин Михаил Александрович — Иркутск, 2004. — 210 с.
49. Карякин Е. А. Проблемы процессуального доказывания в российском уголовном судопроизводстве на основе принципа состязательности: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Карякин Евгений Александрович — Оренбург, 2002 — 176 с.
50. Качалова О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дисс. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Качалова Оксана Валентиновна — М., 2016. — 482 с.

51. Козлова А. Н. Публичность как принцип уголовного судопроизводства: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Козлова Анастасия Николаевна — М., 2007. — 251 с.

52. Кузнецов И. П. Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса России дисс. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Кузнецов Николай Пантелеймонович. — Воронеж, 2008. — 444 с.

53. Лукичев Н. А. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве: дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Лукичев Николай Алексеевич — Саратов, 2003. — 228 с.

54. Морквин В. А. Правовые презумпции в уголовном судопроизводстве России: дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Морквин Виталий Алексеевич — Тюмень, 2008. — 243 с.

55. Пиюк А. В. Роль суда в собирании доказательств по уголовному делу на стадии предварительного расследования и при рассмотрении дела в суде первой инстанции: дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Пиюк Алексей Валерьевич — Томск, 2004. — 225 с.

56. Плашевская А. А. Собираание доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Плашевская Анастасия Анатольевна — Томск, 2006. — 241 с.

57. Пронина М. П. Презумпции в современном российском праве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Пронина Мария Петровна — Нижний Новгород, 2010. — 194 с.

58. Пупышева Л. А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса: автореф. дисс. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Пупышева Любовь Андреевна — Омск, 2022. — 39 с.

59. Смирнов А. В. Типология уголовного судопроизводства: дисс. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Смирнов Александр Витальевич — СПб., 2001. — 348 с.

60. Смолин А. Г. Особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК: проблемы нормативного регулирования и дальнейшего развития: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Смолин Андрей Геннадьевич — Нижний Новгород, 2005. — 237 с.

61. Соколовская Н. С. Роль суда в состязании сторон по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Соколовская Наталья Сергеевна — Томск, 2005 — 182 с.

62. Тябина Ю. А. Уголовно-процессуальные правоотношения в стадии исполнения приговора: автореф. ...дисс. канд. юрид. наук: 12.00.09 / Тябина Юлия Александровна. — Нижний Новгород, 2016. — 27 с.

63. Устинов А. А. Доказывание при рассмотрении судом материалов уголовного дела в ходе досудебного производства: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Устинов Артем Анатольевич. — М., 2022. — 235 с.

64. Хохлова Е. М. Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Хохлова Елена Михайловна — Саратов, 2008. — 169 с.

65. Хроменков И. Р. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Хроменков Игорь Романович. — М., 2022. — 266 с.

66. Чугурова Т. В. Процессуальные формы защиты публичных интересов в российском праве: дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / Чугурова Татьяна Викторовна — Самара, 2007. — 216 с.

Публикации в периодических изданиях:

67. Адамайтис М. Право суда на инициативу в исследовании доказательств мешает его беспристрастности / М. Адамайтис // Российская юстиция 2003. — № 11 — С. 32

68. Алонцева Е. Ю. Перспективы прокурорского надзора и судебного контроля за законностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан / Е. Ю. Алонцева // Вестник экономической безопасности — 2021. — № 2 — С. 104-106

69. Астафьев А. Ю. К вопросу о совершенствовании процедуры рассмотрения уголовных дел в особом порядке / А. Ю. Астафьев // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства. Материалы международной научно-практической конференции: Отв. ред. А. А. Протасевич — С. 26-32

70. Барабанов П. К. Пределы участия суда первой инстанции в доказывании / П. К. Барабанов // Уголовный процесс — 2006. — № 5 — С. 39-45

71. Бойченко О. И. Достоверность и вероятность при характеристике пределов доказывания по уголовным делам / С. В. Бойченко // Закон и право — 2012. — № 6 — С. 77-79

72. Бородин В. В. Разрешение судьей производства обыска в жилище: сущность и процессуальные особенности Общество: политика, экономика, право / В. В. Бородин — 2017. — № 12 — С. 115-118

73. Бурмагин С. В. Метаморфозы состязательности уголовных производств по делам судебного контроля / С. В. Бурмагин // Lex Russica — 2020. — № 2 — С. 44-62

74. Васяев А. А. Достоверные сведения при разрешении вопроса о заключении под стражу / А.А. Васяев // Современное право — 2010. — № 6 — С. 92-95

75. Виноградов В.А. Распределение бремени доказывания и стандарт доказывания в уголовном процессе Англии и США / В. А. Виноградов / Российское правосудие — 2016. — № 8 (124). — С. 97-101

76. Воронин О. В. О некоторых вопросах действия состязательного начала в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора / О. В. Воронин // Вестник ТГУ — 2008. — № 316 С. 74-78

77. Воскобитова Л. А. Познавательная деятельность суда в уголовном судопроизводстве / Л. А. Воскобитова // Lex Russica — 2005. — № 1. С. 97-117

78. Городиленко К. А. Судебный контроль за проведением следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека в уголовном судопроизводстве / К. А. Городиленко // Научный альманах 2019. — № 10-3 — С. 28-31

79. Дорошков В. В. Совершенствование стадии исполнения приговора / В. В. Дорошков // Мировой судья 2017. — № 9 Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 21.10.2019

80. Грошев А. В. Презумпции в уголовном праве их роль в правоприменительной деятельности / А. В. Грошев // Юридическая техника — 2010. — № 4 — С. 145-153

81. Евстигнеева О. В. О балансе частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве как необходимой составляющей принципа справедливости / Евстигнеева О.В. // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве. Материалы всероссийской научно-практической конференции 20-21 марта 2015 года — 2016. — С. 92-102

82. Калинина А. Л. Проблемы применения гражданского иска при рассмотрении уголовного дела в особом порядке / А. Л. Калинина // Мир юридической науки — 2018. — № 7 С. 63-68

83. Калиновский К. Б. Быстрота (срочность) уголовного судопроизводства — есть принцип уголовно-процессуального права // Материалы международной научно-практической конференции «Состояние и перспективы развития правовой науки», посвященной 75-летию Удмуртского государственного университета, Ижевск, 30-31 марта 2006 года. Ижевск — 2006. — URL: <https://www.iuaj.net/node/838> Дата обращения 26.08.2021

84. Кириллова Н. П. Проблемы компетенции суда при рассмотрении ходатайства следователя о заключении под стражу / Н. П. Кириллова // Уголовная юстиция — 2015. — № 2 — С. 23-24

85. Конин В. В. Проблемные вопросы доказывания при избрании строгих мер пресечения / В. В. Конин // Адвокат — 2016. — № 8 — С. 14-20

86. Корнакова С. В. Соотношение понятий «достоверность» и «истинность» доказательств в уголовном процессе / С. В. Корнакова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права — 2010. — № 2. — С. 69-75

87. Костенко Р. В. Состояние доказанности как оценочная категория в уголовно-процессуальном праве / Р. В. Костенко // Правовая парадигма — 2019. — № 2 — С. 35-41

88. Лупинская П. А. Общее и особенное в правилах о доказательствах и доказывании в УПК РФ и ГПК РФ / П. А. Лупинская // Lex. Russica — 2005. — № 4 — С. 707-718

89. Малюгин С. В. Локальный предмет доказывания в уголовном судопроизводстве России / С. В. Малюгин // Российский юридический журнал — 2014. — № 5 Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 09.03.2021.

90. Никифорова Х. П. К вопросу о судебном контроле законности и обоснованности производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности / Х. П. Никифорова // Вестник Оренбургского государственного университета — 2015. — № 3 (178) — С. 120-125

91. Панокин А. М. Неустановленные обстоятельства совершения преступления: проблемы доказывания / А. М. Панокин // Журнал российского права — 2015. — № 11 — С. 90-93

92. Панько К. К. Презумпции в уголовном праве и процессе, их значение и квалификация / К. К. Панько // Вестник Воронежского государственного университета серия «Право» — 2013. — № 1 — С. 311-326

93. Пашаева Э. Х. Результаты ОРД как средство установления локального предмета доказывания при принятии процессуального решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу / Э. Х. Пашаева // Алтайский юридический вестник — 2019. — № 4 — С. 125-130

94. Рогава И. Г. Махмудова Ф. С. Актуальные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе / И. Г. Рогава Ф. С. Махмудова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 1-2 — С. 172-175

95. Рябков Е. М. К вопросу о сложности процедуры и реальности домашнего ареста как меры пресечения / Е. М. Рябков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России — 2019. — № 4 (48) — С. 211-217

96. Рябцева Е. В. Соотношение принципа разумности, публичности и диспозитивности в уголовном процессе / Е. В. Рябцева // Общество и право — 2011. — № 5 (37) — С. 223-226

97. Смирнов А. В. Презумпции и распределение бремени доказывания в уголовном процессе / А. В. Смирнов // Государство и право. — 2008. — № 1 — С. 60-68

98. Татьяна Л. Г. Некоторые вопросы уголовно-процессуального доказывания по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке судебного разбирательства / Л. Г. Татьяна // Вестник ОГУ. — 2004. — № 3 — С. 38-40

99. Широкова А. В. Правовые основания применения меры пресечения в виде заключения под стражу / А. В. Широкова // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики — 2019. — № 2 — С. 141-146

100. Червоткин А. С. Проблемы судебной практики рассмотрения ходатайств об условно-досрочном освобождении лиц, отбывающих лишение свободы / А. С. Червоткин // Уголовное право, — 2015. — N3 — Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 22.11.2021

101. Якимович Ю. К. Особенности доказывания в особых и дополнительных производствах / Ю. К. Якимович // Вестник ТГУ — 2015. — № 4. С. 101-105

Материалы судебной практики:

102. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 N 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 22.08.2021;

103. Постановление Конституционного суда РФ от 7 апреля 2015 г. № 7-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 гражданского кодекса Российской Федерации и пункта «а» части второй статьи 166 уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Кражева Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 08.05.2021

104. Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2003 г. N 451-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Веккера Сергея Вадимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 283 и 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Доступ из СПС «Гарант» Дата обращения 25.09.2020

105. Определение Конституционного Суда от 15 июля 2008 года N 442-О-О; от 21 декабря 2011 года N 1700-О-О; от 24 сентября 2012 г. № 1631-О Доступ из СПС Консультант+ Дата обращения 29.09.2020

106. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2012 № 1015-О/2012 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Колесина Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав частью восьмой статьи 106 и частью седьмой¹ статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 25.08.2021

107. Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2015 г. № 708-О «По запросу Сюмсинского районного суда Удмуртской Республики о проверке конституционности положений пунктов 4 и 5 части первой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Доступ из СПС «Гарант» Дата обращения 09.01.2022

108. Определение Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. N 1051-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Третьякова Дмитрия Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «Гарант» Дата обращения 23 сентября 2021 г.

109. Определение Конституционного Суда РФ от 26 мая 2016 г. № 977-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хруника Александра Юлиановича на нарушение его конституционных прав частями первой и девятой статьи 115, частями третьей, четвертой и пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 22.08.2021

110. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2018 № 1340-О/2018 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Якупова Алексея Файзулловича на нарушение его конституционных прав статьей 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 25.08.2021

111. Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2020 г. № 5-О по жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 125 и частью четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 22.08.2021

112. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2069-О/2020 «Об» отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карамзина Кантемира Феликсовича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 39, частью четвертой статьи 108, частью восьмой статьи 109, частью первой статьи 125 и статьей 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 25.08.2021

113. Определение Конституционного Суда РФ от 29.10.2020 № 2556-О/2020 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Садыкова Марата

Фаритовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125, частью первой статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также положением пункта 20 Инструкции об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 25.08.2021

114. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2021 г № 1310-О/2021 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чогина Фиделя Павловича на нарушение его конституционных прав статьями 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 286 Уголовного кодекса Российской Федерации» Дата обращения 25.08.2021 Доступ из СПС «Консультант+»;

115. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения». Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 16.03.2021

116. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 N 1 (ред. от 29.11.2016) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 24.08.2021;

117. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» Доступ из СПС Консультант+» Дата обращения 05.05.2021

118. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17. «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию

в уголовном судопроизводстве». Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 01.09.2022

119. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 N 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 25.08.2021

120. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» Доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 05.09.2021

121. Определение Верховного Суда РФ от 2 апреля 2013 г. по делу № 2-40/08 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 29.10.2020

122. Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 27 июня 2019 г. по делу № 22-1010/2019 Доступ из СПС «Судакт» Дата обращения 01. 11. 2021 г.

123. Апелляционное постановление Нижегородского областного суда от 3 марта 2020 г. по делу № 22-1195/2020. Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 25.10. 2020

124. Постановление Новосибирского областного суда от 08 августа 2018 г. по уголовному делу № 1-237/2011 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 26.10.2020

125. Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 10 декабря 2018 г. по делу № 22-2563/2018 Доступ из электронной базы судебных ресурсов «Судакт» Дата обращения 27.10.2020

126. Постановление президиума Тамбовского областного суда от 12 сентября 2019 г. по делу № 1-6/2017 Дата обращения 30.10.2020

127. Приговор Ступинского городского суда московской области от 2 июня 2015 г. по уголовному делу № 1-129/2015 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 22.10.2020

128. Приговор Советского районного суда г. Владивостока от 28 мая 2018 г. по делу № 1-235/2018 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 01.11.2021 г

129. Приговор Центрального районного суда г. Красноярск от 21.09.2018 по делу № 1-43/2018 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 22.04.2020 г.

130. Приговор Малгобекского районного суда Республики Ингушетия от 23 июля 2018 г. по уголовному делу № 1-18/2018 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 28.10.2020

131. Приговор Центрального районного суда г. Красноярск от 21.09.2018 по делу № 1-43/2018 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 22.04.2019 г.

132. Приговор № 1-3/2019 1-90/2018 от 3 июня 2019 г. Усть-Калманский районный суд Алтайского края Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 27.10.2020

133. Приговор Шебекинского районного суда Белгородской области от 06 августа 2019 г. № 1-106/2019 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт». Дата обращения 02. ноября 2021 г.

134. Постановление октябрьского районного суда г. Липецка от 16 января 2020 г. по делу № 1-366/2019 Дата обращения 29.10.2020

135. Постановление Тимашевского районного суда Краснодарского Края от 25 февраля 2020 г. по делу № 1-31/2020 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» Дата обращения 18.10.2020

Виноградов Владимир Александрович

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Научно-практическое пособие

http://kalinovsky-k.narod.ru/b1/Vinogradov_2022.pdf

Технический редактор: *Лина Мовсесян*

Компьютерная верстка: *Анастасия Шантурова*

Издано в авторской редакции.

Издательство «Знание-М»

Подписано в печать 06.06.2022. Формат 60х84 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Times». Печать цифровая.

Усл. печ. л. 6,97. Заказ № 7226. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в издательско-полиграфическом комплексе

Северо-Кавказского федерального университета

355038, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 2

Издано в научных и учебных целях.

book-best.ru

Смыслим в издательском деле!
Наши книги в Интернет-магазине **www.litres.ru/logos**

БК vk.com/cnzlogos

logos.book@mail.ru

ISBN 978-5-00187-222-1

